

Вячеслав Реню

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ОБРЫВКИ

18+

Вячеслав Реню

Обрывки

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Реню В. М.

Обрывки / В. М. Реню — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Половинки рано или поздно находят друг друга, и хорошо, если это произойдет вовремя. В противном случае их притяжение может привести к непредсказуемым последствиям не только для главных героев, но и для близких им людей. Данное произведение - это попытка понять, почему уже состоявшиеся, отнюдь не свободные от семейных обязательств люди продолжают искать друг друга. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1. «У попа была...»	5
Письмо	5
Летом звезды теплее	7
Рождение сверхновой	12
Порванная мечта	14
Магнолия	18
Судьба	20
От любви до ненависти...	35
«Мячик»	46
«Рэксик»	51
Член в кандидаты и менты на КраЗах	57
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Часть 1. «У попа была...»

Письмо

«Здравствуй мой дорогой, мой любимый, мой единственный медвежонок! Мой!

Мой, не смотря на то, что сегодня мы с тобой словно на разных планетах. Больно осознавать, что так все повернулось! Очень больно. Но я благодарю бога уж за то, что ты нашелся.

Нет! Я не боюсь твоей болезни. Господи! Какая же это глупость! Да я просто мечтаю быть рядом с тобой...

Я не боюсь неустроенности и неопределенности. Рядом с тобой я готова терпеть любые лишения и горести.

Но!

Милый! Родной! Единственный! Любимый! Не знаю, поймешь ли ты меня?

У меня – дочь. По своей глупости я уже испортила жизнь тебе. Я не могу. Просто не имею права испортить ее еще одному дорогому для меня человеку.

Я не могу поступиться счастьем дочери, не имею морального права рисковать ее здоровьем. Она ведь полностью зависит от меня, она привязана ко мне пуповиной. Ее благополучие это единственное что осталось: чтобы замолишь мой грех, чтобы иметь возможность хоть как-то существовать теперь в этом мире.

Знаешь, когда ты исчез, я некоторое время бродила точно в бреду. Голову занимала только одна мысль – «Как лучше наложить на себя руки!?»

Открыть газовый вентиль, сунуть голову в духовку и повернуть кран? Сказать по правде, я даже пыталась это сделать, но в последний момент не смогла повернуть крана! Тогда я поняла, что не смогу уйти из жизни пока рядом со мной моя Тоня. Я очень боюсь. Боюсь не за себя! Я боюсь навредить дочери, навредить окружающим меня людям. Такая вот я бесхарактерная и слабая.

Потом я стала искать тебя. Но все было безуспешно, и я решила найти ту по вине, которой ты заболел. Я решила отомстить ей. И знаешь – нашла. Нашла и испугалась. Не может быть ненависть сильнее всего на свете. Не должно быть так. Зло нельзя прощать, но и злом отвечать не стоит, его нужно понять и исправить.

Я никогда не верила в бога. Не верила так – чтобы по настоящему Но теперь часто хожу в храм, правда пока не совсем хорошо понимаю, то, о чем говорит со мной бог. Но веришь? Становится легче.

Во дворе монастыря есть маленькая скамеечка. Помнишь? Мы гуляли там один раз. В углу под деревом. Я теперь часто сижу на этой скамеечке. Я там встречаюсь с тобой.

Я так и зову это место: местом наших свиданий, потому что там – ты всегда рядом. Ты берешь меня за руку, смотришь на меня своими добрыми глазами, говоришь со мной, и от этого становится хорошо и легко на сердце, кажется, что мы вовсе и не расставались, что мы вместе. Я сижу и вспоминаю. Иногда плачу, иногда улыбаюсь. Знаешь? Вся жизнь теперь разбилась на обрывки точно лоскутное одеяло. Я часто думаю: почему некоторые моменты врезаются в память так прочно и явственно, а другие, казалось бы, более важные, забываются сразу? Интересно.

Знаешь? Везде. В каждом обрывочке моих воспоминаний рядом со мною незримо находишься ты, словно мы были вместе с самого рождения.

Порой я так увлекаюсь этими обрывками, что лечу домой точно на крыльях, и мне все кажется, что вот откроются двери, а дома меня ждешь и встречаешь меня ты. А я прибегу, соберу на стол и буду тебя кормить.

И как же плохо на душе, когда все это оказывается неправдой. Такая неизбывная тоска сразу наваливается.... Если бы не дети – с ума можно сойти. Забота о них пусть не лечит, но отвлекает. Да! Забыла тебе сказать!...»

– Серафим...

– Когда я читаю письма – я Семен!

– Прости. Мне показалось.... На тебе лица нет.

Мужчина погладил ладонью плохо выбритые щеки и, успокоенный тем обстоятельством, что лицо все же на месте, грустно усмехнулся.

Летом звезды теплее

Детство в памяти Андрея навсегда отложилось в виде быстротечных, но таких счастливых и радостных летних месяцев. Словно и не было ничего другого: ни детского садика, а потом семьи и школы, ни пионерской зорьки в одном месте. Впрочем, семья, конечно, была, но в усеченном варианте, а именно бабушка, да младший двоюродный братишка Игорь – москвич по призванию. Родители, почему-то, всегда работали, словно отпусков в те далекие времена им не давали вовсе, а если и давали, то по великому благу и только зимой. Жили они в рабочем поселке: частный дом; река под боком; лес; вечно изодранные, грязные коленки и журавль колодца над крышей соседского дома.

А ещё, с тех самых босоногих лет в памяти засела одна крамольная до безобразия мысль, настолько крамольная, что в слух и произнести страшно. Мальчишке казалось, что в Москве народ живет очень плохо и бедно. Не так что бы бедно совсем, что бы в лохмотьях да с клюкой. Нет. Насчет одежды таких ассоциаций почему-то никогда не возникало. А вот насчет продуктов... Тут уж увольте. Тут Андрей мог поспорить с кем угодно. Даже на кулаках, если до первой крови естественно...

В последствии Андрей, осознавая глубину своей вины, покаялся, но долго и мучительно не мог понять: что же послужило причиной столь дикого заблуждения?

А между тем ларчик открывался достаточно просто:

Каждое лето Игорь приезжал из своего стольного города по выражению бабушки весь «синюшно недокормленный».

Встречая на пороге дорогого «заморского» гостя, бабушка Мария Ивановна, слегка присев, ударяла длинными руками о свои пухлые колени, прикрытые одним и тем же застиранным и залатанным передником, и долго причитала на тему узников концлагерей и голодающих африканских братьев.

По приезду Игорь, в первую неделю, ставился на усиленный откорм.

И варился чугунок картофеля, и скворчала сковорода полная тонко наструганного сала жареного с луком, а на закуску огурчики, помидорчики, пока ещё соленые, прошлогоднего засола, но бабушка так прекрасно умела их готовить! И Игорь – Жрал.

Не кушал, не ел, а именно – Жрал. Жрал с большой буквы.

Обычно кончалось все это довольно печально. Рвота и понос считались нормальным явлением. Так сказать побочным эффектом. И если к концу откормочного периода братцу удавалось избежать попадания в больницу с желудочными коликами – такой сезон для него можно было назвать вполне удачным.

Затем неизбежно наступал период насыщения. Знаменовался он тем, что «птенец», успевал пережевывать пищу до её проглатывания, а в редких случаях даже забывал подбирать со стола хлебные крошки.

Ближе к августу период «жора» возобновлялся вновь. Это природа брала свое. Игоряшка, как почувствовавший холода молодой медвежонок, готовился к очередному сезону зимней спячки, который неумолимо приближался в связи со скорым завершением очередного лета. Москва уже звала своего блудного сына. Москва ждала его.

Ясным, теплым утром, как раз на стыке двух последних периодов пребывания на бабушкиных харчах, Игорь был раньше обычного предательски разбужен наглым солнечным зайчиком, пробивавшим себе путь сквозь неплотно закрытые шторы.

Бабушка возилась с керогазом на летней веранде. На дощатом порошке стояла корзина, почти доверху заполненная грибами. Старушка с утра уже успела пробежаться по лесу. Игорь любил жареные грибы до трясучки.

– Ого! – обрадовался он, – Сегодня много принесла, а то я вчера не наелся. Сегодня МНОГО! Молодец бабуль! Сегодня мы и тебе грибов дадим. Да? Андрюха!

– Угу!

– Бабушка! А жрать скоро будем?

– Сейчас, сейчас милые мои. Вот кашка дойдет...

– Кашка!?! – возмутился «гость». – Какая кашка?! Грибов хочу!

– Грибки чистить нужно, отварить, обжарить, а я только из леса вернулась, – виновато оправдывалась бабушка.

– Хочу грибов!

– Ешьте пока кашу, – выставила на стол горячую кастрюлю старушка, – а я скоро. Минуток через сорок грибки будут готовы. Андрюш разлей по тарелкам.

Бабушка, подхватив ведро, трусцой побежала на колодец. Андрей покрутил головой, но половника не нашел, да и лениво было искать. А рядом стоял и гундосил о несчастной, голодной доле его прожорливый двоюродный братец.

– Фиг с ним! Будем, есть по-солдатски, – решил старший

– Это как? – удивился младший.

– Прямо из котелка. Бери ложку – наворачивай!

Оба взялись за ложки, Андрей размеренно и степенно, Игорь суетливо и с опаской, что каши на всех не хватит.

– У! Манная! Жидкая! – разочаровано протянул он, – да ещё и мало...

Ложка ворвалась в мягкое, покрытое золотистой корочкой нутро кастрюли, взлетела вверх к губам, и ... с грохотом отскочила в угол. Помещение разорвал нарастающий рев обиженного бегемота. Уж чего-чего, а вопить Игорь умел.

– Что случилось? – искренне удивился Андрей.

– Горячаячая, – простонал братец, громко отдуваясь. Теперь он походил на маленького дракончика

– Не спеши чудак! Дуть нужно.

Но дуть не получалось никак, слишком велико было желание.

– Так не честно! – сдался, наконец, Игорь – Нечестно! Ты ешь, мою долю!

– Хорошо, – подумав немного, предложил старший брат, – Давай по-другому. Я провожу черту, прямо посередине кастрюли и ем кашу только со своей половины, а ты подожди, пока ни остынет твоя. Идет?

– Я буду следить.

Процедура слежения была мучительной. Мало того, что слюни пузырились у рта бесполезной пеной, так ещё и всякие смутные сомнения одолевали голодного гостя. Андрей тем временем разошелся не на шутку, махнет ложкой посередине, обновит черту и черпает со своего бока, махнет, и черпает, дунет и в рот. Сомнения и подозрения материализовались в факт обмана довольно скоро, а именно в тот момент, когда ложка начала стучать по дну. Черта осталась на месте, а каша, поскольку жидкая, была съедена в одно лицо почти до основания.

Дракончик снова трансформировался в бегемота и его рев повторился с новой силой. Была даже предпринята попытка физического демарша, но она оказалась подавлена в зародыше более сильным и сытым противником.

На рев сбежались все домашние: куры, кот и, конечно же, бабушка.

– Ах, Андрюша, Андрюша! – всплеснула она руками, быстро разобравшись в ситуации.

Бабушка попыталась обнять и утешить «обиженного лишенца», но тот, надув щеки, убежал в огород.

– Ивановна! – противно заверещало что-то со стороны улицы. – Ивановна!

Это пришла соседка. Бабушка поспешила на зов, и как говорится «зацепилась языком». Андрей побродил точно неприкаянный по двору, но чувство вины не давало ему покоя, требовало искупления. К тому же одолевала скука. Мальчишка направился мириться с братом.

– Может, постреляем из арбалета? – услужливо предложил Андрей.

– Не! Неохота. Кто мою любимую стрелу на крышу запулил?!

– А пойдём достраивать командный пункт на свинарнике?

– Нет уж! Мы с тобой в прошлый раз там крышу проломали... Увидят – отец убьёт.

По небу плавно плыли нежные и ласковые облачка, шелестели листвой бесплодные в этом году яблони, а от соседнего забора настойчиво веяло навозом. Вокруг жизнь была ключом и дело для двоих активных молодых людей, к тому же отнюдь не обделённых воображением, находящихся в том нежном возрасте, когда скука противоестественна, нашлось само собой.

Ребята с надеждой осмотрели окрестности, их взгляды, не сговариваясь, остановились на затянутом по периметру вольере, где радостно и звонко паслись молодые бройлерные курочки и петушки. Гордость отца. В этом году смертность среди цыплят была как никогда низкой...

– Какие они несчастные! Грязные.

– Ага! Не мылись, наверное, с месяц. Помоем?

Два раза предлагать не пришлось. Гревшаяся на солнце вода в ведре пришлась как нельзя кстати.

– Приготовьте больного. Ассистент скальпель, – старший уверенно повторил фразу, услышанную в одном из кинофильмов, и стал аккуратно закатывать рукава у рубашки.

– Кур. Кур. Сейчас мы все гавно с вас смоем. – Глядя на брата, потирал руки младший, – Кур! Кур! Курочки мои. Будете у нас красивыми! Красивее соседских...

Процесс был продуман до мелочей. Андрей медленно, крадучись заходил в вольер, напоминая нечто, среднее между рекламным агентом и колхозным забойщиком скота, ловил не понимающего своего счастья клиента, при этом клиент отчаянно сопротивлялся изо всех своих куриных сил. Затем следовала процедура омовения, и только после нее клиент передавался в заботливые руки младшего персонала.

Поскольку при омовении глупые куры лапами в ведро лезть категорически отказывались, приходилось перехватывать их за рвущиеся непонятно куда конечности и окунать головой вниз, что причиняло банщикам определенные трудности и сулило серьезные опасности. В частности, опасность быть оцарапанным отросшими молодыми коготками. Эту операцию выполняли с особой осторожностью.

После купания младший бережно принимал разомлевшую тушку и тщательно с чувством, выжимал двумя руками, словно половую тряпку, благо, к тому времени сопротивления подобному действию клиент уже не оказывал.

Затем куры рядами, точно отдыхающие на южном пляже аккуратно укладывались на солнышко для просушки...

Пели птички, кружили бабочки лимонницы, за околицей настойчиво и призывно трубил бык, собирая невест на очередное совещание, ребята возвращались во двор с чувством выполненного долга.

– Дрюня! Шухер! Бабуля! – Резво бросился за угол дома Игорь и оттуда стал призывно махать руками и шипеть как змея, – Сейчас заметит что у нас руки мокрые, сразу поймет, что мы в воде бурхнулись.

Однако прятаться было поздно.

– Ты где был? – гремя кастрюлями, окликнула внука бабушка.

– Журнал читал... «Мурзилка»! – пряча за спину мокрые руки, потупил взгляд Андрей.

– А Игорь...? Тьфу ты! Раз миллион твою мать! Рыжий! Куда полез?! Вот я тебя сейчас!

На счастье ребят в этот момент рыжий кот-разбойник отвлек внимание старушки неудачной попыткой совершить очередную кражу со стола терраски.

Солнце перевалило за экватор небесного пути. Руки сорванцов давно высохли, были неоднократно измазаны, вытерты об штаны и рубашки и измазаны вновь, ссадины давно перестали чесаться. Ребята забыли о «добром» деле, которое они совершили и, соблюдая очередность, безуспешно пытались с расстояния нескольких метров воткнуть перочинный нож в старый пень, когда слежавшийся от жары сонный воздух над окрестными домами разорвал душераздирающий крик:

– Раз миллион Вашу мать! Засранцы! Загубили! Всех загубили! Под корень....-

Бабушка, конечно, могла на них поругаться, но так....

– Всех потопили! Курочек! Петушков! Злодеи! Лихоимцы! Спали вас антонов огонь! Вот отец с работы вернется, он вас поубивает! Обоих поубивает! По три раза!

Угроза отцом подействовала моментально....

Летний вечер в рабочем поселке поражает разнообразием красок и звуков. Треск ночных насекомых перемежается с шумом проходящей мимо электрички, надрывный звук доильных аппаратов смешивается в теплом воздухе с отдаленным боем ритмичной музыки танцплощадки. А краски?! Какие краски! Справа небо расцвечено фонарями центральной улицы, а с лева переулок скрытно убегает в пугающую черноту. Сполохи сварочного аппарата режут горизонт на юге, север отзывается в ответ вспышками далеких молний. Смех, лай собак, мычание и возня в хлеву, и вдруг, как по команде, в один момент – тишина. Тишина и звезды. Рой насекомых под колпаком фонаря. Кажется – всё! Улица вымерла. Но нет, есть ещё живые на бескрайних просторах вселенной! Вон зашевелилась ветви кустарника, и четыре зорких глаза заблестели надеждой. И уже громкий шепот звенит над пустотой:

– Брр! Холодно!

– А как жрать охота!

– Спит батяня! Спит, я тебе говорю. Видишь, и окно погасло. Пошли

– А вдруг как не спит? Страшно.

– Да спит! Спит! Индеец ты или нет?

– Чинганчгук не боится белых собак. Чингачгук настоящий разведчик.

– Тогда иди вперед.

– Ну, нет! Иди сам!

– Бледнолицый охотник будет прикрывать тылы. Сам знаешь, враги нападают обычно сзади. Пошли Игорюнь

– Ладно! Только прикрывай тылы как следует мой белый брат.

Две гибкие тени, крадучись и постоянно припадая то на одно, то на другое колено, скользнули на крыльцо. Рука взлетела вверх и застыла. Тени застыли вместе с ней. Прислушались. Затем рука упала вниз, и тени двинулись дальше.

Входная дверь предательски скрипнула. Дом встретил разведчиков подозрительной тишиной. Первый скользнул внутрь, второй как бы случайно задержался, осматривая окрестности. В этот момент раздались два хлестких выстрела. Это отцовский ремень со свистом впился в спину авангарда. Затем секундная пауза и дикий вопль бегемота:

– Уйаааа!!!! Аааааа!

Хлопнула дверь терраски. Удовлетворенный отец отправился спать.

Заиграла музыка на танцплощадке, ей ответил собачий перезвон, проехал запоздалый грузовик. Мир ожил....

За печкой трещал сверчок, наполняя пустоту темной комнаты звездным ожиданием. Андрей смотрел сквозь потолок на воображаемые звезды и горько вздыхал. На соседней кровати тонко всхлипывал несчастный двоюродный братец. Андрею было жалко его, жалко временно ушедших цыплят, хотя он ещё в силу своего возраста не мог осмыслить такого понятия как «смерть». Для него смерти не существовало. Для него не существовало ничего, о чем он не знал и с чем ни сталкивался в жизни лично. На свете не было ни пустыни Каракумы,

ни города Урюпинска, ни Северного ледовитого океана. Не было даже несчастного угнетенного негра, бесконечно эксплуатируемого на жестоких плантациях капитализма. Того самого, о котором в те далекие времена очень любили рассказывать всяческие дяди и тети по радио и телевизору. Для Андрея не существовало никого и ничего кроме поющего за печкой сверчка, всхлипывающего на соседней кровати брата да звездного неба на невидимом в темноте ночи потолке.

И не было смысла думать о том, что в бесконечных просторах вселенной именно в этот момент происходят разнообразные события, многие из которых так или иначе будут связаны в дальнейшем с маленьким мечтателем....

Рождение сверхновой

Николай Петрович Одуванчиков покинул заводскую проходную на десять минут раньше положенного срока. Такое с ним случилось впервые. В жизни он стеснялся только двух вещей: своей фамилии и отпрашиваться у начальства с работы.

– Как дела, Коль? – улыбнулся в порыжевшие от неумеренного потребления табака усы сосед он же по совместительству вахтер на заводских проходных.

– Да пока не родила! – Громко прокричал привыкший к грохоту горячего цеха Николай. – Вот– вот жду первенца. Сына!

– Девка будет. Как пить дать девка. Я тебе как спесилист говорю. Если пацан, то он живот клинышком. Понимаешь, петрушка какая? А у тебе – девка родится.

– Типун тебе на язык. Дед! Ты чего глупости болтаешь?! Парень и только парень... Если вдруг родится девка, в роддоме оставлю!

– Ну, ну. Самих вас ещё нянчить нужно, а оне плодятся как кролики. Раскудрит твою через коромысло, – пожелал соседу удачи бравый вахтер.

– Знаешь Василич?

– Чо?

– Ты – большой Мук.

– Как это? – удивился дед.

«Старый мудака», – подумал Николай и, улыбнувшись, нащупал в правом кармане пиджака набор ключей-головок позаимствованный у родного завода.

– Мудрец большой говорю. В смысле мудрый ты очень

– С мое поживешь – поумнееешь!

– Пистолет на веревку привяжи, чтобы снова в туалете не выпал. – Душевно простился с вахтером Николай и, ещё раз ошупав коробку с ключами, вышел на улицу.

«Своему сыну Сашке подарю. Вот родится сын – сразу и подарю!» – решил он и зашагал в сторону дома по ночному городу.

Издержки работы во вторую смену. Город спит, а ты его догоняешь. И лишь редкие огоньки... Впрочем, Коле как деревенскому жителю это все очень нравилось. На ум приходили диковинные картины ночного. Когда на целой планете только ты, лошадь и звезды.

Дома у порога его уже ждала суетливая тётца. Сердце сразу ушло в пятки, а в душе разгорелся радостный костер предчувствий.

– Что? – сорвавшимся на фальцет голосом испуганно воскликнул Николай – Родила?

– Тетя Паша звонила она сегодня дежур...

– Мама! Скажите прямо: родила или нет? – нетерпеливо перебил суетливую женщину зять.

– Дык, знамо дело. Куда ж она денется. Сроки подошли. Тетя Паша звонила...

Окончание фразы Коля не дослушал. Он, уже неся в сторону роддома. Два квартала вниз, затем направо, мимо городского парка. У парка новоиспеченный папаша задержался, чтобы надрать цветов с клумбы.

– Это я Катьке! За моего сынка Сашку! Спасибо тебе родная! – рвал и приговаривал он словно оправдываясь перед невидимым садовником

За парком Коля свернул налево, чуть не сшиб проезжавший мимо легковой автомобиль. Водитель посигналил: «Мол, куда прешь?!».

– У меня сын родился! – в след габаритным огням поделился радостью Коля, перемахнул через забор и вот он уже у дверей роддома.

– Ты чего долбишь!? Рожениц разбудишь, – наконец открыла дверь на его требовательный стук, дежурившая в ночь заспанная тетя Паша, старая подруга Колиной тещи, а возможно даже и их дальняя родственница.

– Теть Паша. Моя – родила!? – толи спросил, толи поделился радостью Николай и стал совать цветы нянечке. – Отнеси, пожалуйста, Катьке. Катька моя родила! Представляешь?!

– Тихо, тихо! А то я не знаю!

– Как сын-то тетя Паш?! Руки ноги на месте?

– Какой сын-то?

– Сашка!

– Какой Сашка? Дочка у тебя Коленька. Дочка! Красавица. И ручки на месте и ножки. Королева прямо.

– Откуда дочка? – удивился Николай – А как же Сашка? ...

Цветы, небрежно брошенные на пол, смотрятся как обычный веник.

– Проснулись красавицы? Готовьтесь к водным процедурам. – Это затопала по палате нянечка.

Катя открыла глаза. Странно, но боли в данный момент она не почувствовала. Все, что было вчера, казалось страшным сном. А сейчас, сейчас только солнце в окошке и белые стены.

Взгляд упал на прикроватную тумбочку. Там в литровой банке стоял букетик разнокалиберных цветов собранный неумелой мужской рукой. На краю тумбочки лежала небольшая прямоугольной формы коробочка, обернутая в целлофан. Из-под коробочки торчал край тетрадного листа.

Катя протянула руку, только теперь ощутив тупую боль в нижней части туловища, развернула листок бумаги, и в тот же миг веселая улыбка поселилась на ее лице. В записке были две фразы

«Милая это набор ключей для нашего Сашеньки. Спасибо тебе родная».

Слово «нашего» было неаккуратно зачеркнуто, а сверху, неуклюжей рукой мужа больше привыкшей к общению с железом, чем с пером коряво выведено слово «нашей».

Порванная мечта

Хорошо когда у человека есть идеалы. Нет! Это не просто хорошо! Это – прекрасно! Думать не нужно. А чего думать-то? Смотри на идеал, любуйся, ровняйся, бери пример, стремись к нему. Одна беда – идеалы имеют свойство: низвергаться, развенчиваться, да просто рваться. Лучше когда у человека есть мечта....

Праздники – вещь замечательная. А День пионерии в особенности. Вторая половина благословенного месяца мая, как правило, ласкает ребят солнечными лучами светло и бережно, так, чтобы не дай бог не перегреть юные, не окрепшие организмы. На улице тепло, и вместе с тем комары с мухами не досаждают. В общем – мечта, а не праздник. Впрочем, любая замечательная вещь замечательна только при условии, если вас ею не особенно напрягают.

Подготовка к очередному дню пионерии в средней поселковой школе №2 велась основательно, продуманно и в итоге обещала вылиться в грандиозное шоу, вернее как говорили в те времена – большое мероприятие

Что нужно чтобы мероприятие, читай шоу, удалось на славу? Ну, конечно же, хорошую песню. И не одну, а побольше, побольше!

Коллективный разум – великая сила. В смысле придумать, на кого дело спихнуть. Поручили заслуженной пионерке-ветеранке Неле Михайловне. Неля Михайловна – это конечно не человек-пароход, но тоже легендарная личность. Неля Михайловна – человек-аккордеон. Музыкальный работник школы. Почти народный! Да к тому же руководитель местного хора мальчиков «туберкулезников».

А еще – Неля Михайловна, не смотря на свой гренадерский рост, внушительные габариты атомной подводной лодки и не слабый вес, центнера в полтора, была женщиной деятельной и очень активной.

Своей активностью она моментально заполонила школу и местный народ, вздыхая, отдуваясь и охая, был вынужден читать сценарии, учить роли, готовить реквизит и костюмы. Ох, и трудная это работа, когда над душой стоят бегемоты. Пошли бесконечные репетиции, прогоны, слезы, обиды. Все то, что является неизменным атрибутом большого дела, особенно если за него берется мастер. Школа сошла с ума, и лишь один Андрей был спокоен и счастлив. Его мечта сбылась. Человек по натуре амбициозный, он гордился своей ролью пионера-барабанщика, он был счастлив своим реквизитом – настоящим пионерским барабаном. А ещё...! Ещё ведь были барабанные палочки, которыми очень удобно барабанить исподтишка по толстому заду одноклассника Юрика Баранова.

Время шло, праздник приближался. Как всегда незаметно, наступило то самое «накануне», когда всё уже в кусках готово, но как оно будет выглядеть в собранном виде – никто кроме всевышнего и «старой пионерки» Нели не представляет. Да и готово ли? Думаю всевышний тех времен, в смысле дедушка Ленин, и тот до конца не был уверен. А посему нужна была генеральная репетиция. Странно, почему она так называется? Ведь мучают на ней отнюдь не генералов. Наверное, потому, что «генералы» имеют привычку слетаться на смотрины как мухи на продукты жизнедеятельности. Вот и сегодня, на прогон в школе ожидалось появление, какого то товарища не то из обкома не то из парткома. Кто их там разберет этих странных взрослых. В общем, ожидали «генерала».

А пионерам им что? Надо, значит надо! Тем более всех, по этому случаю, сняли со второго урока. Якобы на пол часика. Сняли и вывели на широкий плац перед школой. Зашумел словно рассерженный улей школьный двор. Придумали тоже, пол часика. Святые наивности! Минут двадцать ушло только чтобы построить эту кипящую, дергающуюся, разрушающую строй толпу. Потом классные руководители ещё столько же искали и выдергивали из чужих рядов своих юных заблудших овечек.

Неля Михайловна ревела как рассерженный бык, но даже она не смогла совладать со всем этим стадом, а посему идею по отрядного выхода каждого класса с речевками, песнями и маршировкой пришлось отложить до лучших времен. Каждый класс поставили на определенное место и строго настрого велели его запомнить. Данная процедура, ввиду постоянно проистекавшего броуновского движения заняла ещё как минимум четверть часа. Потом долго искали и раздавали плакаты с различными, умными девизами типа: «Пионер держит равнение на героев борьбы и труда» или «Пионер – друг пионерам и детям трудящихся всех стран». Девизы в виде картонных щитов с обернутыми в красную бумагу железными стержнями-ручками достались правофланговым. Половину щитов любопытные пионеры поломали тут же, вторую половину развернули задом наперед, чем довели Нелю Михайловну до икоты и преждевременного облысения. Правда, рвать волосы на голове ей долго не пришлось, они выпали сами, так как выяснилось, что вместо волос на голове этой мощной дамы возлежал парик.

Тут подоспела новая напасть: знаменосец совета дружины оказался, облит с ног до головы чернилами и отправлен домой для приведения внешнего вида в надлежащее состояние. Какие же они не серьезные эти знаменосцы!

Срочно была сделана замена, и после нескольких неудачных попыток знамя совета дружины с грехом пополам вынесли на середину без падений и сбоев.

Затем действие стало разворачиваться живее, можно даже сказать «как по маслу». На бодрое приветствие: «Юные пионеры! К борьбе за дело ... будьте готовы!» послышалось браво – текучее:

– Всегда гав!

Вышла юная, звенящая пионерка из седьмого «Б» и продекламировала стихи собственного сочинения. Впрочем, сути данного творения никто с первого раза не расслышал ввиду появления на авансцене большой рыжей собаки.

– Наше дело правое! Враг слева, – погрозил непрошеной гостье учитель физкультуры и зачем-то принялся ее ловить.

К моменту, когда физкультурнику удалось нейтрализовать любопытное животное, а затем погасить всеобщее ликование оказалось, что стихи, собственно, уже закончились. Пришлось повторять их заново.

И тут случилось ужасное..., нет, генерал ещё не приехал, просто выяснилось, что продвинутых октябрят, которых следующим номером программы должны были посвящать в пионеры, предупредить забыли, а уроки у них давно закончились.

Поиски октябрят проходили долго и тягостно. За это время стихи успели заучить наизусть даже те отъявленные хулиганы и двоечники, на которых давно махнули рукой семья и школа. По нестройным рядам пошел тихий ропот. Время то к обеду. Но железная Неля была непреклонна!

Выход нашелся сам собой. Потенциальных ленинцев заменили физкультурником, и весь ритуал проутюжили от «А» до твердого знака.

Наивный народ по простоте душевной решил – все! Мероприятие окончено. Пионеры стал неуверенно разбредаться. Ах! Глупые, глупые. Все ещё только начиналось. Дальше то, как раз, по гениальному замыслу Нели Михайловны, и должна была свершиться та самая изюминка, которая однозначно выведет школу в глазах высоких партийных бонз.

Как по волшебству на груди этой мощной женщины из воздуха материализовался аккордеон, и тут же на передний план гуськом, точно наложившие в штаны пингвины выползли участники узко известного хора мальчиков «туберкулезников».

Гениальность задумки состояла в том, чтобы инсценировать события, о которых собственно, и сложены пионерские песни.

– Repitition! – словно легавая в предвкушении охоты скомандовала Неля Михайловна, загоняя в стойло заблудших овец.

Действо началось. Хор замычал, а вдоль строя навстречу друг другу двинулись две группы ряженных в костюмы времен гражданской войны юных актеров изображающих схватку между белыми и красными отрядами.

– «Слышишь, товарищ, гроза надвигается...» – по туберкулезному гнусаво и грустно тянул хор, – «С белыми наши отряды сражаются...»

– Ваааау! Иванов! – подменила своим зычным голосом музыкальный аккомпанемент Неля Михайловна.

– Иванов! Ты белый! Белый! Запиши это на своем тупом лбу! Не ты должен мутызить Гильденщухера, а он тебя. Все на исходные. Хор – La r?p?titition!

– «Слышишь, товарищ, гроза надвигается...»

– Ваааау! Метлицкая! Ты куда смотришь!? Куда ты смотришь, я спрашиваю! Ты же пулеметчица... Почему руку задираешь словно у тебя вши? Какие часики?! Часики у нее там! Метлицкая! Это же гражданская война, у красной пулеметчицы не могло быть золотых наручных часиков! Что значит: «У белой отняла»?! Всем часы снять! Только в борьбе можно счастье найти!

– La Repitition Ваааа! Где Гайдар?!!

«Гайдар» был предательски заложен местными плохишами и обнаружен буржуинствующим в школьном буфете. Только после этого песню с грехом пополам удалось допеть.

– Следующие – пошли! – Скомандовала Неля Михайловна. La r?p?titition!

Дун-дун-дун радостно заиграла музыка.

– Взвейтесь кострами синие ночи, – отдышавшись, запричитал хор. – Мы пионеры дети рабочих.

– Ваааау! Баранов ты пионер, а не колобок. Ты сын рабочего класса. Живее, живее! Больше огня! И не нужно тащить молот по асфальту так словно это штанга – подгоняла толстого Юрика Нели Михайловна.

– Радостным шагом, с песней весёлой! – в экстазе забился хор.

– Ножку, ножку тянем. Радостней. Да подними ж ты молот! Бестолочь!

– Мы выступаем за комсомолом...

– Группа уходит за кусты, за кусты я сказала, а не в кусты – гневалась разгоряченная Неля. – За кусты, за комсомолом.... Запомните разгильдяи!

– Следующий!

Следующим был Андрей. Он с высоко поднятой головой ударил в свой барабан под песню:

Встань пораньше,

Встань пораньше,

Встань пораньше!

Только утро замаячит у ворот.

Ты увидишь, ты увидишь

Как веселый барабанщик

В руки палочки кленовые берет.

Андрей гордо отбивал дробь, ему казалось, что все девочки следят за ним, затаив дыхание. Все ни все, а одна то точно! Он так увлекся, что даже и не заметил как, отмаршировав мимо строя, оказался за углом собственной школы.

– Вааааау! – словно из другого мира заверещала сирена, но юному барабанщику было не до того.

Оказавшись за углом, Андрей столкнулся с веселенькой компанией старшеклассников: двоечников, курильщиков и прогульщиков. Дело в том, что именно на эту сторону здания, куда Андрей в порыве барабанного экстаза так неожиданно для себя попал, выходили окна

служебных помещений школьной столовой. Тут, не боясь быть замеченными педагогическим коллективом, любили собираться покурить неблагонадежные элементы школьной тусовки.

– Тебе чего козел? – Просто и доходчиво спросили Андрея. – Сдерни отсюда, а то барабан на уши натянем. . . .

– Все на исходную! Очень хорошо! Все смотрим и берем пример. – Шумела точно камыш на плацу Неля Михайловна. Андрей словно вернулся из холодной ночи в солнечный день.

– Идея хорошая! Барабанщик барабанит до завершения песни. Потом гордо уходит со сцены за угол, словно в туман революции и тут же без перерыва начинаем следующий номер. – Прямо по ходу вносила коррективы в мизансцену Неля Михайловна, – Только не забудь обогреть барабанную дробь вместе с окончанием песни. . . . А compris?

– Repitition!

«Встань пораньше, встань пораньше, встань пораньше!» – задал тон хор.

«Только утро замаячит у ворот», – ответил барабан. . . .

Не известно замаячило ли утро у ворот, а вот за углом Андрея снова ждала та же самая, теплая компания хулиганов.

– Козел не понимает?! – грозно сплюнул на землю главный хулиган школы по кличке «Кассил». – Козел хочет, чтобы сюда слетелись все школьные училки? Горыныч! Натяни ему на уши барабан.

Через мгновение Андрей понял, что барабаны, оказывается, тоже рвутся, только ушам при этом очень больно.

Праздник состоялся! В нем участвовали другой барабан и другой барабанщик. А дело о порванном инструменте замяли. Выяснить у Андрея кто и как совершил подобное кощунство, так и не удалось. Молчал он как партизан, в одиночку переживая крушение своей мечты. . . .

Минуло несколько дней после описанных событий. Теплым весенним утром, когда уже не только ученики, но и весь педагогический коллектив мечтал о каникулах, Андрей пришел в школу с огромным синяком под глазом и распухшей нижней губой. Впрочем, это обстоятельство его, кажется, не смущало. Наоборот был он как ни странно доволен собой и даже весел. На все расспросы одноклассников отвечал уклончиво: «Исполнял пионерский долг. Бился со змеем!». Только никто ему не поверил, но и дразниться не стали. Подразни такого, если с ним при встрече уважительно здороваются за руку сам Горыныч правая рука Кассила, грозы и ужаса школьной ребятни. Нет! Что-то тут было не так. Хулиганы «пионеров героев» не любят. . . .

– Сашка привет! – Радостно с порога прокричал отец. – Алексашка, где ты?

Отец сорвал туфли, не развязывая шнурков. Просто уперся носком ноги в пятку и стянул их как ненужный элемент. По всему было заметно – отец сегодня в хорошем настроении. Из кухни на шум выглянула жена.

– Где моя дочь?! – обнял и поцеловал её Николай.

– В зале, телевизор смотрит. Как дела?

– Как дела?! А ну-ка свистать всех наверх! Сашка, где же ты?! Бегом ко мне моя ушастая Чебурашка. Сашка!

Магнолия

– Чебуашка смотиит мультики! – Соизволила появиться в дверях дочь.
– Коля! Не томи! Быстрее говори! Решился вопрос с командировкой?! – нетерпеливо теребила жена мужа за рукав свитера.

– Держитесь крепче за воздух.... – сделал паузу отец – Мы едем на три года в Монголию
– В Монголию?

Как показалось, с некоторым расстройством переспросила жена, словно ожидала другого варианта, острова Фиджи, например. Зато дочь запрыгала точно мячик, маленький и тщедушный, но такой симпатично-желтый под цвет сарафана. Мячик в горошек

– Уаа! Мы едем в Магнолию! Уаа!

– В Монголию глупенькая, – попытался поправить её отец, но – бесполезно, дочь веселым ветерком унеслась в свою крохотную комнатку, переделанную из кладовки, и принялась настойчиво греметь предметами.

– Вещи собирает, – улыбнулся Коля.

– В стаане магнолий плещет моее! В стаане магнолий плещет моее,... – запела дочкиным голоском бывшая кладовка.

И так весь вечер. Уж и мать ругалась, и Николай пытался объяснить своей «Чебурашке» что страна, в которой они временно будут жить, так как родителей посылают туда работать, называется Монголия, что живут там люди – монголы и есть у них этикие маленькие лошадки.... Все бесполезно. Дочь убежала прочь, согласно кивая головой, но через некоторое время возвращалась вновь и вновь, чтобы показать отцу то картинку из журнала, то собственный рисунок.

– Пап смотии – это Магнолия! – на картинке плескалось море, а рисунки были испещрены по-детски наивными изображениями замков упирающихся шпилями башен в облака, сказочных богатырей, неведомых зверушек, огромных деревьев и подстать им непропорциональных цветов....

Лишь ближе к полуночи родителям удалось, успокоить неугомонного ребенка и уложить его в постель

Они заперлись на кухне и долго обсуждали перипетии предстоящей поездки. Забот было много. Вещи собери, матери объясни, да и квартиру так просто не оставишь....

Город сладко спал, и только одно окно светилось в темноте ночи, а рядом, буквально в нескольких метрах, там, где ещё недавно была кладовка, сопело маленькое счастливое существо, и розовые облачка кружили над его головкой, кружили и улетали в даль в направлении прекрасной сказочной страны.

Утро свело в степи двух всадников. Розовые холмы переливались и катились душистой волной Иван-чая вслед улетающему ветру.

– Сан бай нуу, – важно приветствовал один другого

– Сан бай нуу!

Вдруг, что-то случилось. Что-то пронеслось по колышущейся степи, пронеслось и взлетело к небу у самого горизонта. Взлетело и рассыпалось розовыми брызгами. Заструились в лучах восходящего солнца разноцветные капли живительной влаги, зашумели морским прибоем и стали накатываться ласковыми волнами на шелковый берег, где вскинул зубцы сказочный замок.

Удивленно захрапели низкорослые, выносливые лошадки. Завертели мордами, заржали.

– Вода?! – удивился первый всадник.

– Вода, однако! – ответил второй.

– Не говорит так... брат

- Не говорить как? Брат.
- Не говори «однако» брат, – поправил первый
- Почему, ...однако?
- Мы же не маленький северный народ! Мы – МАГНОЛЫ!

Судьба

Хорошо когда у человека есть мечта. Нет! Это не просто хорошо! Это – прекрасно! Особенно если мечта высокая и звенящая. В этом случае можно холить и лелеять её, можно стремиться к ней по мере сил, и даже иногда достигать ее, если она не слишком заоблачная.

Мечты не лопаются точно мыльные пузыри. Одна беда – мечты могут тихо умирать. В этом случае приходит судьба и владеет человеком полностью и безраздельно, то, вознося свою жертву вверх то, мучая и пытая её.

Пытки бывают разными. Например, пытки щекоткой – весело и со вкусом, или пытки насекомыми, тоже ничего – по крайней мере, маленькие, неприкаянные жучки и паучки останутся сыты. А в феодальном Китае вообще придумали потешный вид пыток. Скажите, что может быть веселее, чем взять и покончить с собой на зло врагу. Пришел на порог его дома, обожрался невымытым рисом и помер. И пусть супостата всю жизнь мучает совесть. А ведь можно ещё для всеобщего веселья устроить многократный спуск причинным местом по наклонному бревну, утыканному гвоздями....

Абсолютно случайно и между делом Андрей «проглотил» книжицу о пытках народов мира и, подумав немного, решил, что в палачи он, пожалуй, работать не пойдет. Не понравилась ему данная специальность и все тут. Посудите сами: спецодежда вечно грязная, дышать под колпаком трудно, опять таки гаишники из-за чертова колпака на улицах не узнают, да и работу на дом брать – только родственников и близких нервировать. Вон папа каждый день полный портфель бумаг с работы таскает, а потом сидит с ними допоздна. Он у Андрея бухгалтер. Бумаги перебирать – это тебе не головы рубить! Сидит папа себе, ни кому из домашних не мешает и... пусть сидит, главное, что бы сидел дома, а не в другом месте....

Работать учителем в школе Андрей тоже не собирается. Где, где, а там точно одни специалисты по пыткам собраны! Скажите, ну разве кому ни будь в здравом уме и с добрым сердцем придет в голову поднимать детей в такую рань. А если ты сова, если читал под одеялом до часу ночи ...? Мало того, так ещё и тяжеленную сумку с учебниками каждый день таскать заставляют. Впрочем, с учебкой у Андрея проблем никогда не было. Все школьные предметы давались ему легко и без скрипа, а по физике так и вообще через клетку в журнале пятерки стояли. Благо, что на первой парте сидел. Только учительница отвернется, будьте любезны, Андрей Вячеславович, получите пятерочку. Шутка.

Но самым любимым предметом у него долгое время была – история. Книги о сфинксах, курганах, раскопках, пунических войнах и прочих исторических безобразиях абсолютно вытеснили всю прочую литературу из повседневного рациона, да так что учителя забили тревогу. После серьезного вмешательства отца тревогу решили считать ложной, а место, на котором сидят – временно нетрудоспособным. Но любовь к предмету, открывающему путь в затянутые паутиной ворота прошлого, не умерла, а только ушла в подполье. Да и не могло быть по-другому! Мощным источником, питавшим эту любовь, была личность учительницы.

Вера Васильевна, жгучая стройная брюнетка, фактурной наружности одним только внешним видом могла влюбить в свой предмет кого угодно. А как она одевалась! Какой удивительный шарм распространяла по классной комнате. Просто – заслушаешься! Сорок пять минут урока пролетали как одно мгновение.

Два года назад, на летних каникулах, ребята под руководством учительницы умудрились даже сходить в «настоящую» археологическую экспедицию на раскопки древних курганов. Там они познакомились с «живыми» археологами, и Андрей заболел этой профессией серьезно. Решил готовиться к поступлению в исторический институт.

Первый звонок в выпускном классе прошел весело и бестолково, впереди был целый учебный год, а жизнь казалась ясной и замечательной. В кабинет истории Андрей въехал на плечах одного из одноклассников, но тут же опомнился. Нельзя. Святыня!

Он уселся за свой стол чинно и важно, но в последний момент не удержавшись, по традиции дернул за косу соседку по парте.

– Павлов, твои шутки остались на уровне первого класса.

– Верочка, постоянство залог стабильности. Стабильность признак мастерства.

Может быть, в другое время они ещё долго спорили, незлобно подтрунивая друг над другом, но тут дверь с шумом распахнулась, и в класс коломом вкатилось нечто неряшливо–растрепанное.

О боже! Оно совсем не было похоже на их любимую Веру Васильевну! Оно и не могло быть на неё похоже. Это было существо абсолютно с другой планеты. Планеты варваров и варварок. Нечто лишенное половых признаков.

– Дети, – как ни странно человеческим голосом заговорило чудовище. Лишенный эмоций голос навевал тяжелые сны. – С этого дня уроки истории у вас буду вести я. Мы с вами будем изучать новейшую историю.

Сказала и не обратила никакого внимания на мизансцену «К нам едет ревизор», исполненную, думается, не хуже чем, в знаменитом спектакле, постановки театра имени Вахтангова.

В жизни случается всякое, например любимая учительница ни с того ни с сего уходит в декретный отпуск, или вдруг появляется непонятно откуда новейшая история. Кстати это как? Она что, новее новой? Прямо из разряда «живее всех живых»

Впрочем, может, и не стоило так убиваться несчастному юному созданию? Погрустили, повздыхали – дальше побежали?

Может быть, только доподлинно известно, что по истечении нескольких месяцев Андрей переключился на фантастику Лемма, бросив недочитанным собрание сочинений Яна, а через пол года наука о прошлом навсегда вычеркнула из своих рядов, возможно, самого гениального продолжателя дел великого Никколо Макиавелли.

Как ни прискорбно мечта увяла сама собой точно экзотический комнатный цветок, переживший бурную весну, и незаметно зачахший к началу активного жизненного цикла.

Близилось окончание выпускного класса, когда большинство его сверстников уже примеривали на себя кто высоты родного неба и бескрайнего космоса, а кто глубины закровов Родины, как говорится от каждого по способности. Андрей находился на абсолютно голом распутье. Даже тривиального камня с классической надписью «налево пойдешь – коня потеряешь, на право – козленочком станешь...» на горизонте не наблюдалось.

Тут и подвернулось предложение отца попробовать свои силы на ниве финансового рынка

– Поедем сынок в Москву. В Финансово-экономический институт. Будешь в жизни при деньгах – не прогадаешь.

– А может лучше в наш, областной, медицинский? – робко сокрушалась мама, – Блат наведем,...

– Медицинский подождет. В армию ему только следующей осенью. Не поступит в Москву – вернется домой, на будущий год пойдет учиться в медицинский, – резонно заключил отец.

Москва поразила Андрея вовсе не обилием народа. Занятый своими проблемами он как-то и не замечал постоянной тесноты и давки. Москва поразила своими расстояниями, духотой в метро, а ещё пивом с креветками в баре «Пльзень», что в «Парке Горького», куда они с двоюродным братцем Игорем скрытно от отца сделали вылазку в перерыве между вступительными экзаменами. А ещё... Ещё Андрей чувствовал себя не очень уютно в своих тупорылых ботинках купленных дома к выпускному балу по блату у армянского сапожника и брюках клеш

казавшихся такими модными в их отсталой провинции. Да что там скрывать, по глупости своей стыдился он себя. Ах, Москва! Москва! Эта модница усиленно облачалась в узкие джинсы.

Впрочем, лишний час позора связанный с поездками до института и обратно, да столько же непосредственно в самом институте не такое уж и большое потрясение, тем более что поездки в метро до станции «ВДНХ» по счастью обходились без пересадок.

Процесс сдачи экзаменов начался достаточно удачно. На специальность «Финансы и кредит», которую папа настоятельно рекомендовал сыну и расхваливал как самую интересную, искрометную и увлекательнейшую на свете проходной бал ожидался в районе 22–23. Это из 25, куда входили четыре экзамена плюс средний балл аттестата. Многовато, но терпимо. Для примера на МЭО (факультет международных экономических отношений) иногородних даже на порог не пускали

– МэЭ! Мээ! МээЭОоо! – нет, так гордо как у москвичей у гостя столицы все равно не получится. Эх! Вот что значит провинция! Ну да фиг с ним! Обидно?! Досадно?! Да ладно!

Андрей сдал устную математику на оценку четыре, притом, что в аттестате его по данному предмету красовалось «отлично», он все равно был очень рад этой четверке, если не сказать больше – горд за неё.

– По университетской программе... по университетской программе, – слышен был испуганный шепоток абитуриентов у дверей экзаменационной аудитории.

Андрей слабо представлял себе, что это за зверь такой «Университетская программа», но гордости от этого не убавлялось, а даже как бы и наоборот.

Русский письменный тоже прошел на четверочку. Вот это Андрея в глубине души ужасно расстроило. «Глупый, глупый Кондрат!». Ну не знал он в то время что основной отсев как раз на русском и происходит. Переживал.

Зато география без сучка и задоринки просвистела на пять. До заветной цели не хватало достойной оценки по некогда любимой, а затем незаслуженно забытой истории.

Экзамена Андрей не боялся. Накануне он излучал само спокойствие и уверенность в своих силах. Да и как могло быть иначе?! Он же ученик Веры Васильевны.

Правда, в метро, по дороге в институт его прихватило. Казалось что воздух с утра особенно густой и тяжелый, поезд плетется медленно и ужасно долго, а на плечи кто-то свыше положил тяжелый свинцовый полог.

Но стоило распахнуть двери институтской аудитории, как чувство тяжести улетучилось само собой. Андрей ринулся в бой. Спокойствия придало то обстоятельство, что приемная комиссия выглядела на редкость приветливо, словно и не приемная она вовсе, а милосердная: излучающая тепло и ласку.

По центру стола восседал мужчина суховатого телосложения в очках с роговой оправой. Серьезный взгляд, правильные черты лица не просто говорили, они кричали о том, что перед вами сам председатель, но уголки губ, слегка изгибающиеся к низу в мимолетной улыбке, успокаивали, «не бойтесь – он хоть и председатель, но не злой»

По левую и правую руки председателя восседали две женщины, а женщины всегда действовали на юного соискателя успокаивающе.

Андрей взял билет, всем своим видом демонстрируя безразличие, назвал номер и гордо прошел к свободному столу.

Глаза плавно опустились вниз. Точно легавая, ставшая в стойку, экзаменуемый прочел первый вопрос. Революционеры-разночинцы! Что может быть проще?! Разве что вопрос: «Назовите год, в котором свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года?»

Андрей расплылся в улыбке, представив себе, как ранним утром декабристы поднимают с постели заспанного Герцена, как тот, ворча и побряхтывая, разворачивает свою наглядную революционную агитацию, благословляя разночинцев на тесную связь с народом. При этом в

воображении Андрея понятие «народ» при упоминании слова «связь» почему-то всегда ассоциировалось с его прекрасной, женской половиной. Господи, какой богатый материал для беседы светских людей.

Да один Бакунин чего стоит! Про него Андрей мог рассказывать часами. А ведь ещё в строку органично вплетаются классики литературы. Например, Тургенев со своими «Отцами и детьми», или вот Чернышевский с исконно русским: «Что делать?» Воистину не вопрос – подарок от старика Герцена! Благодарь

Однако после прочтения вопроса номер два Андрею стало плохо.

Вопрос звучал примерно так: Доклад генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева «Великий Октябрь и прогресс человечества» на таком то – сяком то торжественном заседании.

Помимо своей воли несчастный абитуриент хоть и за рамками литературных форм, но очень тихо, можно сказать даже про себя, помянул гулящую женщину, бессмертное творение великого Чернышевского, помянул маму автора доклада, а заодно и удивленно встревоженное состояние души в той или иной степени знакомое всякому....

Глаза затянула серая пелена тумана, в которую без следа плавно проваливались закалившие, укрепившие, расширившие и что-то там подхватившие революционеры – разночинцы, обремененные тесными связями с народом.

Самое интересное, что буквально накануне Андрей держал в руках заботливо приготовленную отцом газету «Правда» с передовицей в виде вышеуказанного творения. Подержал, подержал – да и бросил за диван. Да и как скажите читать на ночь такое..., когда тебе всего семнадцать лет: очень много, очень скучно, да к тому же очень мелким шрифтом.

Однако как в сказке! Страшно – а деться некуда.

«Будь что будет» – подумал Андрей – «Прорвемся! Ну что он мог там нового придумать?! Болтает вечно одно и то же! Нужно сосредоточиться! Нужно вспомнить: что обычно говорит Леонид Ильич?»

Но как ни старался, ничего за исключением легендарного: «Дарагие товарищчи!» да пары анекдотов про генсека вспомнить не смог. Память услужливо предлагала: «Брови черные густые, речи длинные пустые. Нет колготок, нет конфет...», и снова бессмертное: «Дарагие...». Ну, как назло! Ах! Вечно одно и то же! Пора отвечать....

В процессе изложения первого вопроса, лица членов приемной комиссии из просто светлых на глазах превращались в наисветлейшие. Особенно усердствовал председатель. Он кивал головой в такт изложения, периодически поднимал вверх вытянутый палец правой руки, словно хотел сказать остальным «Видите! Я же знал! Я сам знал все это. Только выразить не мог. Как собака! А он, он так прекрасно излагает мои мысли. Вы слышали! Как он дал!».

Уголки председательских губ растянулись в улыбке и опустились в низ так, что в один из моментов показалось – все! Подошли к критической отметке! «Уж не порвал бы губки бедняжка», – испугался Андрей.

Наконец председатель взмахнул указательным пальцем в последний раз и с явным сожалением, что все хорошее когда-либо кончается, что придется-таки прервать сладостные минуты счастья, посмотрел на своих женщин и приятным баритоном предложил:

– Достаточно, молодой человек. Переходите к следующему вопросу.

Легко сказать!

– Может ещё немного? – Заискивающе предложил Андрей.

– Достаточно! Достаточно! Мы видим, что Вы хорошо знаете, данный вопрос.

Ну, что тут поделаешь?! Вначале робко, сбиваясь и путая слоги, потом все увереннее:

– В своем долкаде. Извиняюсь..., докладе.... «Великий Октябрь и прогресс человечества», генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета..., Председатель Совета Оборон..., Верховный Главнокомандующий..., Маршал Советского

Союза Леонид Ильич Брежнев сказал, ...что великий октябрь есть прогресс человечества в целом, и ...советского человечества в частности.

Дальше, должно было придти вдохновение. Вдохновение задерживалось. Язык стал ватным и громадным. Андрей залепетал о том, как октябрь открыл дорогу прогрессу, а в голову все лезло ни к селу, ни к городу: «Брови черные! Густые...!» Господа декабристы! Ну, вот на кой Вы разбудили Герцена?

Безобразники! Впрочем, мысль интересная. И он продолжал о том, как октябрь разбудил прогресс, поднял, подтолкнул, инициировал и расширил его. На этом набор синонимов и похожих по смыслу слов иссяк. Пришлось взять временную паузу. Раскрыть приемной комиссии глаза на то, что «октябрь был вовсе не тем за кого себя выдавал, а на самом деле..., как потом выяснилось, он был ноябрем. По новому стилю». Пока заливал про календарь, в голову пришли умные мысли из программы «Время» о бурном прогрессе в области отечественных наукоемких технологий. Как водится, ввернул про «железного коня»..., про умные машины на службе у народного хозяйства..., про кибернетику..., а так же про космические корабли, которые бороздят... Куда ж без них то?!

Лица членов комиссии вытянулись и посерели, глаза уткнулись в пол. Осознали, видимо все глубины прогресса. А тут ещё Андрей подлил масла в огонь. Исчерпав познания в области реального прогресса отечественной науки и техники, он не придумал ничего лучшего, чем заявить что, в конце концов, октябрь подарил миру лампочку Ильича.

Председатель аж подскочил на стуле, брови его взлетели до потолка, в глазах засверкал ядовито-зеленый блеск с искорками сумасшедшинки.

– А ещё почту и телефон, – услужливо подсказал он.

– Ну да! – послушно согласился Андрей. – Почту, телефон и телеграф.... И ещё это... радио,... изобрел.

– Кто?! Октябрь? – удивился председатель.

– Да нет. Попов.

А голову предательски точит мысль-заноза: «Нет колготок, нет конфет...»

– Попов, – упрямо повторил Андрей. – Но страшно далеки они были от народа, а потому никак не могли донести до него свои изобретения.... А Октябрь, ...это... как его..., смог....

– Андрей! Андрей!? – тяжело дыша, отец догнал его на улице.

– Ты где был?

– В холле стоял. Тебя ожидал. Ты проскочил мимо меня, даже не заметив. А я кричу: «Андрей!» «Андрей!», ... еле догнал вот. Как дела? Что получил?

– Знаешь пап. Я подумал и решил – медицина это мое истинное призвание.

С призванием не поспоришь! Бесславно возвратившись в родные пенаты, на семейном совете Павловы единогласно приняли решение вспахать отныне ниву медицины. Тем более что традиции в этой области человеческих познаний, с маминой стороны, были заложены серьезные, преэминентность соблюдалась, да и ходы в местный институт имелись. Одна беда, прием документов на текущий год был окончен, а посему решили ознакомить будущее светило с профессией не понаслышке, а на личном опыте.

– Устрою тебя к себе, в областную больницу, – погладила несчастного сыночка по головке мама, – А чего? Направление в институт сделают, стаж опять же.... Конечно, придется до города и обратно мотаться на электричках, ну так всего двадцать минут. Мы с папой каждый день ездим. Семь минут от станции до больницы быстрым шагом. В вашей Москве вон люди по пол дня тратят на общественный транспорт и ничего. Все живы. Опять же под присмотром будет. – Это отцу.

Сказано – сделано. Да и мать обнадежила – обещала устроить к себе в хирургию. Накануне первого рабочего дня Андрей не спал пол ночи, он представлял, как пойдет по больнице в белом халате, в белых штанах и почему-то в белых резиновых бахилах очень похожих на

сапоги из комплекта общевойсковой защиты, которые им давали примерить на уроках начальной военной подготовки. Вот идет он гордый и уверенный в себе, молодой начинающий, но уже подающий... а вокруг полные надежд и благодарностей взгляды больных, восхищенные брызги жемчужных глаз молоденьких симпатичных медицинских сестер, уважительные кивки коллег врачей. Он входит в огромное освещенное помещение, свет так ярк, что ничего кроме режущего глаз накала спиралей разобрать невозможно. Но он твердо знает, здесь он необходим, здесь его очень ждут!

– Личный, именной скальпель Андрея Вячеславовича, – слышится жесткая команда ассистента. Скальпель сам собой впрыгивает в подставленную ладонь. И понеслось...

Говорят, что театр начинается с вешалки. Так вот больница оказывается – тоже. В этом Андрей убедился на собственном опыте. В молодости мы склонны мечтать и видеть себя если не великими то, по крайней мере, значительными. Мы грезим о карьере космонавта или актера, фотомодели или военного-супермена, в крайнем случае, врача – гинеколога, героя или повара-кондитера. Много профессий хороших и важных! Но думается, вряд ли кто из вас мечтал в юности стать гардеробщиком. Вы даже и не мечтали, а Андрей им стал.

Толстая усатая женщина в белом халате привела его на рабочее место в хирургический корпус больницы, выдала реквизит – стул, и, пробасив, что-то такое не для средних умов, убежала:

– Одежду берешь, номерок отдаешь. Номерок берешь – одежду отдаешь. Лучше конечно если одежду отдаешь, ту которую берешь.

К обеду рабочее место сына посетила мама.

– Не расстраивайся сынок. Любая работа почетна. Посидишь тут месяц пока тетя Катя из отпуска не выйдет, а потом мы для тебя придумаем, что ни будь поинтереснее. Вот только переживаю. Ты же у нас такой простофиля, такой доверчивый. Следи внимательно за вещами, что бы ничего с вешалки не пропало. Смотри – не перепутай. Не подводи меня. Ой, переживаю я!

Переживала мама напрасно! К концу срока «гардеробной» деятельности, у её сына ни то, что недостачи не было, наоборот, избыток появился. Бесполоая старенькая, но вполне пригодная для носки куртка, две пары стоптанных тапок и рваный целлофановый пакет с грязно рыжим медвежонком, которого Андрей сдал в фонд помощи голодающим детям слаборазвитой, экзотической страны в обмен на поставки одноразовых шприцев.

Правда, непонятно как, пропало несколько блестящих кружочков-номерков, может, поклонницы утащили на сувениры, а может, выкрали злобные враги, естественно ночью и естественно не в его смену, но и тут Андрей проявил недюжинную сообразительность и изворотливость. Нашел старую коробку из-под обуви, вырезал недостающее количество фурнитуры, написал на них красной пастой жирные номера, а по ободу умную фразу, неоднократно слышанную от бабушки: «Дорогие гости, не надоели ли Вам хозяева!?!», смотал для каждой бирки колечко из проволоки, водрузил их на пустые крючки, и с чистым сердцем ушел на повышение.

Новая работа по сравнению с прозябанием в гардеробе была полна опасностей, неожиданностей и приключений. Личным распоряжением главврача ему были вверены жизнь и здоровье многих больных, а в качестве компенсации за столь высокую ответственность выдан персональный служебный транспорт.

Здесь следует пояснить особо: областная больница размещалась на достаточно обширной территории, и включала в себя немалое количество разнообразных зданий, зданий и флигельков в которых размещались различные отделения. Далеко не во всех из них имелась возможность приготовить пищу, а, как это ни странно, кушать хотели все.

В обязанности Андрея входила доставка этой самой пищи насущной три раза в день по указанным адресам. Дабы не таскать бачки и термосы на пузе, в состав мобильной группы входила транспортная единица – шикарная трехколесная тележка на скрипучем ходу. В каче-

стве наставника-надзирателя, к ней была приставлена пожилая, словоохотливая нянечка Макаровна.

Макаровна выходила на крыльцо пищеблока, зорко следила за погрузкой термосов и кастрюль, указывала адрес клиента, давала добро на взлет и неспешно возвращалась назад, в помещение пищеблока, что бы насладиться бесконечными беседами с радушным контингентом поваров и посудомоек.

Андрея такое отношение со стороны начальственного персонала к их ответственной миссии совсем не обижало, правда, поначалу причиняло небольшие неудобства.

Так в дебюте карьеры возчика он случайно вместо урологического отделения доставил пищу в морг, но не зря же говорят «Не ошибается тот, кто ничего не делает»! Все эти флигельки и мазанки послевоенной постройки были как близнецы на одно лицо, и выкрашены в один и тот же бравурно-лимонный цвет. Да если хотите знать, в условиях незнакомой, пересеченной местности сам Сусанин бы заплутал так что не нашел бы никто ни его ни тележки, ни пищи. А, Андрей нашелся!

– Тебе чего Шелопиздик? – приветливо поинтересовался у надувшегося как клоп под тяжестью тележки Андрея, скучающий мужик, судя по небрежно наброшенному на плечи грязно-серому халату, коллега по творческому цеху.

Коллега был старше Андрея всего то лет на пять-шесть и с наслаждением курил сигарету на маленьком приемном крыльчке. К сожалению, в юношеском возрасте разница в каких то пять-шесть лет выглядит очень значительной.

– Я Вам пищу привез, – обиженно поджав губы, но уважительно ответил Андрей.

– Пищу?! – С философской задумчивостью подвел к небу глаза коллега, – А ну-ка покажь?

Коллега сделал несколько широких шагов вниз по деревянным ступеням и бесцеремонно осмотрел содержимое емкостей.

– О! Котлетки! А что это они у тебя такие маленькие?! – Подцепив сразу несколько штук, возмутился он.

– Это не для вас, это для пациентов.

– Нафы пафиенты, – роняя крошки из набитого котлетами рта, умничал коллега, – такую гадость жвать не будут. Здесь морг Шелопиздик! Морг, а не тюрьма!

– А где же урология? – растерянно заморгал глазами Андрей.

– Это тебе нужно вертаться взад и направо, разворачивай катафалк...

Котлеты, конечно остыли. Дабы в дальнейшем исключить подобные издержки, Андрей тщательно изучил и спланировал маршруты передвижения. Ближе к концу октября он гонял по территории на своей телеге не хуже чем лихой, заправский ямщик на тройке вороных.

Мастерство крепло день ото дня. Он научился эффективно использовать рельеф местности. Там где дорога шла под уклон, он разгонял скрипучий снаряд, словно спортсмен бобслеист красавец боб по снежному желобу, запрыгивал на телегу, и с гиканьем несся вниз, пугая обалдевших, зазевавшихся посетителей, местных зажавшихся птиц и несчастных психически неуравновешенных больных.

Продукты стали поступать по назначению без задержек: теплыми и в срок. Кривая выздоравливающих уверенно поползла вверх. Макаровна цвела от счастья, а её философские наклонности обрели новый смысл и поразительную бесконечность.

И все было бы прекрасно, если б не подвела голая резина. В ноябре выпал первый снег, соответственно пустив под откос не только статистические показатели аварийности и травматизма у работников Госавтоинспекции, но и похожие показатели на внутренних линиях больничного городка.

Сначала под колеса «Андреевского» экипажа угодил больничный УАЗик. Смотреть нужно, куда едешь! Тем более, когда с горки прямо навстречу, несется почти неуправляемый, уставленный бачками снаряд, на скрипучем ходу! Но это было бы ещё пол беды. Бачки в тот раз были пусты. Разбитый поворотник машины и инфаркт у водителя не в счет. Беда пришла, когда Андрей на своей «конармейской тачанке» до отказа уставленной бомбами, начиненными горячим борщом, чаем и рисом со всего маха налетел на заведующего терапевтическим отделением.

Андрей не спал всю ночь. Все переживал: «Как там дедок? Выживет? Нет ли?» «Зав» оказался мужиком крепким, его не сломил ни двойной перелом голени, ни обширный ожог паховой области. Правда, Андрею это помогло слабо, от почетной должности его отстранили, права отобрали окончательно и бесповоротно. Целых две недели молодой человек бродил по территории больницы неприкаянный и безлошадный, обиженно оправдываясь перед знакомыми:

– Разве это дело? Разве это настоящее дело? Я ведь в медицинский собираюсь поступать, а не на водительские курсы! Я «настоящих» больных не видел ни разу в деле....

– Как же не видел? А «Зав»? – посмеивались над ним местные остряки.

Опала закончилась так же неожиданно, как и началась. Не смотря на подмоченную репутацию, нашелся все же рискованный руководитель готовый взять под свое крыло будущее светило медицины. Андрей сильно подозревал, что не обошлось без протекции со стороны одного своего ближайшего родственника, но доказательств тому у него не было.

Заведующий общей хирургией, человек моложаво-амбициозный, плотного телосложения с забавной залысиной в области темени любил делать все быстро и четко. Он вихрем влетел в ординаторскую, по пути распекая своих нерадивых сотрудников, тайфуном провел инструктаж, и только затем лично познакомил нового сотрудника со своим отделением.

– Значит, мечтаешь быть врачом? Гым...гым.

– Ну, да.

– Похвально.

– Ну, да.

Заведующий с сомнением оглядел будущего коллегу с ног до головы

– Похвально. У нас ты получишь очень ценный опыт. Смотри, впитывай, запоминай.

– А аппендицит вырезать дадите? – неожиданно брякнул Андрей.

– Аппендицит? Гым...гым. Резвый какой. Будешь себя примерно вести и хорошо работать, не только аппендицит дадим вырезать, но и коронарное шунтирование проведешь. Гым...гым. Будешь плохим мальчиком – я тебе самому аппендицит вырежу.... Лично!.... Без наркоза. Гым...гым!

– А что я буду делать? А можно будет хоть иногда вам на операциях ассистировать? Ну, хоть смотреть?!

– Гым...гым! Ты видно паренек умный. Во всяком случае, умные слова знаешь, а потому поручу я тебе дело гораздо более важное и сложное. Будешь, старшим куда пошлют!

– А это как? Гым...гым – заволновался Андрей.

– А это очень просто. Куда пошлют – туда и пойдешь. И будешь старшим! Гым...гым! Вот сейчас, например, пойдешь к сестре – хозяйке, я вас знакомил, черненькая такая, поможешь ей бельё в прачечную доставить. Гым...гым. Двигай! Все будет хорошо! Ты человек взрослый. Всё у нас получится ...

«Да не то слово!» – подумалось Андрею. Мысль не отпускала. – «Знал бы он, что я иногда еще в солдатиков играю! А в остальном..., так без сомненья о-го-го какой взрослый! Гым! Гым! Всё у нас получится?!»

Проработав пару недель «старшим куда пошлют», Андрей слег с температурой, причем сильно подозревал, что вся его болезнь была связана вовсе не с противными вирусами, а с нервами. Да! Да! С обычными такими, нервами.

Только окунувшись с головой в больничную среду, он, наконец, понял смысл фразы: «Холодец в степени ужас!» Больница – вот где ужас! Да такой, что волосы шевелятся по всему телу. Не от страха – от тоски.

Куда там Толстому с его «Севастопольскими рассказами». «В крови, в страдании, в смерти...», – вспоминались пафосные слова учительницы литературы. Да кровь, да смерть, да страдания, но ведь шла война, а тут в мирное время, когда за окнами дружный советский народ семимильными шагами идет по пути прогресса, чирикают воробьи, целуются влюбленные, лежит себе стонущая старая женщина с запрокинутой кверху головой. Лежит с бессмысленно выпученными глазами, единственным утешением для которых является пустой, белый потолок и грязно серые стены, Лежит – на несвежем белье и, в сущности, никому до нее нет дела: ни родственникам, ни медперсоналу. Бывает и такое! Вот где оказывается правда жизни! А каково выздоравливающим. Эх! Тоже ведь не сахар. Все что можно было – рассказано, книжки перечитаны, телевизор в холле показывает только рябь, жрать охота...

Наивный Андрей всегда считал, что болеть – это хорошо. Вначале конечно есть маленькие неудобства, связанные с температурой или, например, с тем, что в горле першит. Но зато ты лежишь, как король на чистом белье, а вокруг снуют обеспокоенные родственники и с надеждой заглядывают в твои глаза с одной целью угадать малейшее твоё желание, выполнить любую твою прихоть. А если что-то не так, достаточно громко крикнуть – «Бааа!»

И вот уже бежит милая, добрая, заботливая бабушка, и пичкает тебя горячим молоком с медом, режет дольками яблоки и груши, а ты, изображаешь из себя умирающего лебедя, вредничаешь и кочевряжишься.

Оказывается жизнь сложнее...

Находясь в «коматозном» состоянии Андрей усиленно размышлял на тему: как и чем лично он может скрасить страдания несчастных пациентов, а тут как раз по телевизору передачу забавную показали о позитивном влиянии домашних животных...

Андрей решил: Давно пришло время распространить новаторские методы лечения в массы! Вон на больничной помойке и котов и крыс навалом.

С крысами юный новатор решил повременить, а вот полосатое чудовище приволок, за что имел втык от старшей медсестры с бодрими пожеланиями счастливого совместного путешествия в обнимку с «этой грязной тварью» туда, куда говорить неприлично. В отличии от медперсонала пациентам зверь понравился, правда, животное оказался довольно таки странным. Местом постоянного обитания кот выбрал для себя туалетную комнату, где философски возлежал на краешке унитаза и, не мигая, следил за бесконечной струйкой воды вытекавшей из неплотно пригнанного горлышка смывного бачка. Прямо этакий: кот – Диоген. Что ж, будет проще прятать его от суровых глаз этих ретроградов, этих управленцев от медицины ничего не смыслящих в передовых технологиях.

Почти сутки все шло отлично, а потом неблагодарное матрасоподобное создание, откормленное совместными усилиями инициативной группы по защите животных от старшей сестры, обнаглело до такой степени, что нагадило одной старушке на простынь. Андрей попытался убедить кота по-хорошему; мол, так делать нельзя, сортир как раз и предназначен для этих целей, а вовсе не для того чтобы в нем медитировать; больным нужно дарить радость, а не гадость. Но, бестолковая усатая тварь упорно отказывалась осознать все величие возложенной на неё миссии и как результат – завалила дело!

Апофеозом котовых безобразий стал возмутительный, циничный акт вандализма, выраженный в опрокидывании анализов мочи пациентов на брюки заместителя заведующего отделением, врача-хирурга высшей квалификации и просто честного добропорядочного гражданина Соломона Яковлевича Гуревича.

Как и почему наглый зверь покинул свое лежбище в туалете? Что заставило его взобраться на священный столик с баночками? Зачем он полез дегустировать их содержимое?

История умалчивает. Равно как и о том, зачем Соломону Яковлевичу понадобилось истошно кричать «Брысь собака!».

К сожалению, а может и по счастью, Андрея в отделении в этот момент не было, и все перипетии событий он узнал постфактум.

– Видели ли Вы, юноша, как грациозно вылетают из форточек коты? Как они величественно парят с высоты третьего этажа? – Только и спросил с философской задумчивостью у «ведущего котовода» заведующий отделением. – Нет? Очень жаль.

Спросил и умчался в операционную даль.

Андрей и сам засомневался в эффективности данного метода лечения. В его голове зрел новый план. Изучив случайно попавшуюся на глаза, брошюру по спортивной медицине он решил поднимать боевой дух больных путем приобщения их к большому спорту.

Из всех доступных видов спорта больше всего соответствовал обстановке настольный теннис в виду его достаточной компактности и вместе с тем динамичности.

Но стоило заикнуться об установке теннисного стола, как на него тут же посмотрели с интересом, но как-то уж очень плотноядно, короче идеей взращивания чемпионов в больничных условиях не проникся никто.

Человека изобретательного от природы, русского по образу жизни, никакими трудностями не запугаешь. В коридоре, прямо напротив входа в третью палату стоял большой старый двух тумбовый стол, который дежурные медсестры и нянечки использовали в качестве «аэродрома подскока», когда лекарства временно положить, разнося их по палатам, когда поднос с пищей для «лежачих» оставить. В общем, большую часть времени стол пустовал или являлся местом посиделок ходячих больных. Андрей объявил его «теннисным кортом».

В виду ограниченности размеров столешницы, о том чтобы натянуть сетку не приходилось и мечтать. Посему придумался новый вид спорта «ХокТеннис», который, измученный продолжительным отсутствием интимных контактов с женскими особями, почетный больной первой палаты Петрович, тут же окрестил «Хотенисом».

Суть игры была довольно проста, Андрей притащил из дома небольшой металлический шарик от шарикоподшипника, лобзиком выпилил из дерева две миниатюрные клюшки, похожие на хоккейные, фломастером нарисовал ворота.

Матч проводился на время, играть нужно было в одно касание, выигрывал тот, кому чаще удавалось забить металлический «пузырь» в ворота соперника. В случае нарушения правил одного касания или вылета шарика за пределы стола он передавался сопернику. За соблюдением правил Андрей следил лично. Получился эдакий симбиоз настольных игр: тенниса и хоккея.

Как всегда «великое» испортил случай. Тот самый «хотельщик» Петрович из первой палаты, человек с уникальнейшей судьбой скрупулезно описанной в его истории болезни, до поры до времени относившийся равнодушно к новому виду спорта, вдруг воспылал желанием постичь неизведанное. Стоит отметить, что Петрович был «лежачим», но в силу своего возраста и куркульских наклонностей характера пользовался в среде находящегося на излечении контингента непререкаемым авторитетом. По принципу «Не трогай г...»

Куда от него деться? Выбрали момент, когда никого из старшего персонала на горизонте не наблюдалось, затащили стол – площадку в палату, пододвинули к постели страдальца.

Дали клюшку в руки.

– К...хык... твою мать! – только и успел сказать ветеран всех спортивных игр на свете и весело разрубил тишину звуком разбитого оконного стекла. А за окном декабрь....

Естественно забаву запретили, а с очередной зарплатой ещё и деньги у Андрея вычли за порчу государственного имущества.

– Не грусти Андрюха! – Успокаивал парня взявшийся вдруг активно опекать молодое дарование Петрович – При Сталине за такое тебя бы расстреляли, или в лучшем случае дали пожизненно лагерей.

Изначально было, что-то в этом Петровиче неприятное. Что? Андрей до поры до времени разобрать не мог. Жалел он Петровича, человека легендарной судьбы.

По жизни Петрович отличался тремя талантами: отменным лошадиным здоровьем, о чем свидетельствовала круглая, розовощекая «будка» лица, а так же пристрастием к мотоциклам и женщинам.

Петрович не пропускал в жизни ни одной юбки, о чем живописно свидетельствовали его личные рассказы, а в вынужденных перерывах между юбками холил и лелеял мотоцикл «Урал». Холил так, как ни каждая заботливая мать лелеет своего первенца.

И надо ж было такому случиться: однажды его зануде – теще приспичило пройтись пионерским маршем по тропам босоногой юности, посетить, так сказать, свою малую историческую родину.

Ну что с бабами поделаешь? Зудела, зудела довела таки Петровича до белого каления. Сердце кровью обливалось, до того мотоциклетку жалко было, но ехать пришлось.

Нацепил он на тещу шлем, погрузил её в коляску и, повез. Только теща дама своеобразная, долго сидеть без общения не может, и стала она дергать зятя по пустякам. Как водится, на скользкой дороге кончилось это все плачевно – улетели в кювет. Мотоцикл цел! На теще – перечнице старой – ни царапины! Петрович – вдребезги! Привезли его в областную больницу, поместили в травматологию. Собирали – по кускам. Собрали. Но тут пришла новая напасть. Ни с того ни с сего обнаружился у него в крови вирус гепатита. Взяли матерящегося Петровича и вместе с растяжками перенесли в инфекционное.

– Гады! Заразили падлы! При переливании крови заразили! – бушевал «мотогонщик» – Я вам устрою Гиппократову клятву!

Неизвестно, жил ли подлый вирус в теле Петровича изначально или действительно был принесен в кровь при её переливании, только сам Петрович был уверен в последнем на все сто!

Отлежав положенное, кое-как зализав раны, он пошел в травму устраивать разборки. В поисках тамошнего заведующего отделением, Петрович долго и некрасиво плевался, грубо матерился и вообще вел себя не адекватно, уж так хотелось ему справедливости, так хотелось посмотреть в честные медицинские глаза, что в порыве желания сей борец за справедливость неожиданно упал с лестничного марша, сломав себе два ребра и раздробив тазобедренный сустав. В травме отреагировали молниеносно: «А у нас мест нет! И на ближайшую пятилетку не предвидится!». Пришлось определить Петровича в общую хирургию.

– Хороший ты парень Андрюха! Добрый, отзывчивый! Не то, что эти..., – в который раз смущал целомудренного Андрея своими речами «инвалид». – Бабу тебе надо! Ничего не грусти! Найдем мы тебе бабу!

– Скажи?! Тебе Верка, медсестра нравится? Ух! Жопастая и сисястая просто жуть!

– Ну, нравится, – шептал, краснея, Андрей.

– О! Сейчас все устроим, – заговорщицки подмигивал Петрович, – Я её позову, а ты не зевай, хватай за задницу и она твоя. Я их с...к толстожопых насквозь вижу. Ей Верка! Сестра! Сестра!

– Нет! – категорически запротестовал Андрей.

– Эх! Андрюха! Пацан ты ещё! – горько вздохнул Петрович, – Тогда держи яблоко! Мытое. Бери, говорю! Обидишь! Грызи. Твои невесты ещё в школе учатся. В пятом классе. Можешь и в четвертом посмотреть тож...! – смеялся Петрович в след: убегающему из палаты, покрасневшемуся точно роза Андрею.

Ближе к новому году больных стали выписывать гораздо интенсивнее. Кому охота встречать самый замечательный праздник в тусклых больничных стенах. Соответственно пошла под выписку и большая часть пациентов первой палаты. А там, как водится, лежал народ взрослый, серьезный и любил в свободное от процедур, обходов и посещений время расписать пульку в преферанс.

Петрович пристал как банный лист: «Сыграй Андрюха! Сыграй!» Ты же, мол, клятву Гиппократову давал, ты, мол, больным помогать должен, а у нас третьего не хватает.

Как ни отказывался Андрей, сколько он не убеждал Петровича, что ни какой клятвы пока не давал, и играть в эту игру не умеет – ничего не помогло. До того липучим и настойчивым был данный субъект

Пришлось уступить, больных обижать нельзя таково правило профессиональной этики.

По началу Андрей волновался, все–таки играл на деньги первый раз в жизни, и за несколько раз проиграл целых восемь рублей, потом ещё три рубля с мелочью, но через пару недель он уже выигрывал у Петровича не только жену и кошку, но даже его любимый мотоцикл. Петрович злился, матерился, зорко следил за партнерами, рисковал и влетал по самые помидоры на мизере. Влетал с «паровозом». Тогда он начинал играть осторожно. Заказывал с запасом. Пасовал на трех тузах. Но... снова влетал.

– Полетели на всю зарплату! – смеялся их третий партнер Боря обладатель целого букета желудочных заболеваний.

Игры продолжались примерно с месяц. А потом ...

В то утро Андрей маялся животом в результате неумеренного приема бабушкиных пирожков. Страдая и охая, он мыл полы в ординаторской. Одной рукой с трудом передвигал швабру с кое-как намотанной на ней половой тряпкой, другой поддерживал тугой как барабан живот. Неожиданно подуло сквозняком на ноги. Точно продолжение сквозняка в комнату вихрем влетела мать. Её лицо было белым под цвет халата, губы дрожали, а в глазах сверкал металлический блеск.

– Как ты посмел?! Как ты посмел брать продукты у больных! Обманывать и обжуливать людей. Как ты посмел!? Ты же комсомолец!

– Мам ты что? Ты что мам? – растерялся Андрей

– Скажи, с кем ты играешь в карты? У кого ты брал продукты?! У кого ты брал деньги?! Господи! Надо же дожила! Мой сын шулер и вымогатель! – и мать заплакала.

– Постой, постой. Объясни мне, что случилось?!

История оказалась очень неприятной и до конца для Андрея не понятной.

Как удалось выяснить позже, на утреннем обходе Петрович схватился с заведующим отделением. Накануне больной был уличен медперсоналом в злостном нарушении режима посредством неумеренного потребления спиртосодержащих продуктов.

Зав вспылал. На что Петрович заявил, что тут одни бандиты, шулера и коррупционеры. Мало того, что неквалифицированный персонал вливает здоровому советскому человеку «прокисшую» кровь, так ещё и обжуливают честных людей на каждом шагу, заставляют играть в карты на деньги. Воруют у больных продукты, и бесстыдно пожирают их передачи. Естественно, главным шулером и пожирателем продуктов оказался Андрей.

Так плохо Андрей себя ещё не чувствовал никогда. Он не мог поверить во все это. Бред! Враньё! Не мог понять как люди вообще способны на такое..., на такую циничную подлость? На душе было гадко, страшно и мерзопакостно. Он пытался оправдаться, объяснить что–то, хотя в сущности мнения чужих людей его не очень заботили. Ему важно было, чтобы мама, его мама, не думала о сыне плохо. В душе он не считал себя виновным ни в чем. Да! Он совершил глупость. И не одну! Хотя, по большому счету, вся эта ерунда не стоила и выеденного яйца. Но юношеский максимализм, идеалистичный подход к жизни свойственный его возрасту не

давали покоя. Совесть мучила его. И переживал он в основном потому, что подвел близкого человека.

Хорошо, что отец его в итоге понял. Он потрепал сына по щеке, мол «Всякое бывает в жизни. Нужно быть умнее», вздохнул и предложил:

– Может, поработаешь до поступления в институт у меня?

– Нет пап, я вернусь в больницу.

– Смотри сам.

Было неприятно, стыдно и неудобно, но Андрей вернулся. Иначе он просто перестал бы себя уважать. Естественно, что теперь его отправили трудиться в другое место. Его назначили старшим помощником местного электрика, при этом строго наказав:

– Работает у нас электриком один товарищ. Витя. Очень хороший, прекрасный специалист, но больной человек. Держать его на этой должности – не имеем права. Есть такой недуг – эпилепсия. При этом заболевании у человека иногда бывают сильные приступы. А что делать? Специалист хороший. К тому же все ведь мы живые люди, всем свои семьи кормить нужно. Твоя задача постоянно находится рядом. Иногда приходится работать на высоте, а вдруг у него в этот момент приступ случится?! Вот ты его и подстрахуешь.

Витя, оказался, в общем-то, и не Витей, а сорокалетним лысеющим мужчиной Виктором Михайловичем, по меркам Андрея человеком уже пожившим, если не сказать пожилым.

Виктор Михайлович имел невысокий рост и плотное телосложение. Приятное открытое лицо, обрамленное коротко стриженными черными волосами. А ещё Витя являлся обладателем бархатного красивого голоса.

По всей видимости, о прибытии нового помощника он знал заранее, а потому встретил его появление хоть и с неким налетом философской грусти, но достаточно радушно:

– Где одному делать нечего, там для двоих всегда работа найдется. Проходи дорогой.

По началу, Андрея все в этом человеке немножко настораживало. И не то что бы он боялся, а так, в связи с болезненным состоянием так сказать... относился к своему новому наставнику с некоторой опаской. Наверное, его чувства были похожи на отношение человека к чужой собаке серьезной породы. Вроде бы и не агрессивная она вовсе, и добродушно взирает на штанины ваших брюк, да и хозяин улыбается «Вы не бойтесь, не укусит», а все равно что-то заставляет сжаться и внутренне собраться, приготовившись к самому худшему.

Они трудились вместе какие-то жалкие четыре месяца, и потом больше не встречались в жизни ни разу, но столько, сколько Виктор дал Андрею из посторонних людей в его жизни ни дал ему никто.

Виктор оказался очень разносторонне развитой личностью. Он увлекался радиотехникой, и буквально на второй день их знакомства ввел Андрея в этот удивительный и интересный мир.

– Жаль, что новогодние праздники закончились, – вздохнул Виктор. У меня есть замечательная и очень простая электронная схема для елочной гирлянды. Начинающему – просто блеск. Попробуй, собери. Пригодится на будущее. Позже мы с тобой перейдем, к чему ни будь более интересному.

– А как же детали? Плата? Где взять? – испуганно удивился Андрей.

– Не дрейфь! Плату сделаем и протравим сами, а детали – вот они, – выдвинул ящик стола Виктор.

Кроме того, старший товарищ до фанатизма был увлечен музыкой. Он пел в хоре при дворце культуры, и даже однажды ездил на гастроли в Грецию, о чем любил много и интересно рассказывать в минуты досуга.

Виктор сам изготавливал акустические и электрические гитары, довольно прилично играл на них. Ни прошло и месяца со времени их знакомства, как Андрей во всю переписывал аккорды в толстую общую тетрадь, а по вечерам стирал в кровь пальцы о струны щедро

подаренного больничным электриком экземпляра своего электронно-музыкального творчества. Гитару Андрей подключал к усилителю их старенького проигрывателя «Аккорд». Для того чтобы поставить на уши домашних, включая кошку – громкости хватало.

Виктор пытался увлечь коллегу еще и хоровым пением, но тут, как говорится, «не спрость».

– Живи редиска! – добродушно посмеивался наставник, – Не буду я тебя мучить, раз нет вдохновения. Да понимаю, понимаю! И ездить тебе на электричке приходится, и подготовительные курсы в институт много времени отнимают. Трудись сынок! Без этого в жизни никуда. Тебя бы еще физически развить не мешало! Слушай! Как ты относишься ко всем этим новым штучкам?... Я имею ввиду восточные единоборства. Карате, кунг-фу...

– Хорошо отношусь, – откусив пол котлеты зараз, кивал головой Андрей, – Да только разве у нас есть такие секции?

– Есть у меня один приятель. – Загадочно улыбался Виктор. – Я ему телевизор и еще кое-какую радиоаппаратуру ремонтирую. Так вот он во дворце ведет группу восточной гимнастики. Это она у них так называется. Сам понимаешь, каратэ то разрешают, то запрещают. А они люди хитрые: «Мы», – говорят, – «гимнастикой занимаемся. И ни каких каратэ». А что они на самом деле делают.... Секция полу подпольная, достаточно закрытая, с улицы они никого не берут, но я тебя постараюсь устроить.

И устроил. Да так что Андрей увлекся этим делом надолго.

Но больше всего начинающий медик любил просто сидеть рядом с Виктором в их коморке, вместе паять схемы и слушать удивительные истории из жизни разнообразных друзей и знакомых последнего, слушать его философские рассуждения о жизни. Вот только плакаться себе в жилетку Виктор Андрею не позволял.

– Жизнь она такая, какой ты её ощущаешь. Учись быть добрым и сильным сынок.

И Андрей учился. Чувствуя уважение и заботу старшего товарища, он платил ему той же монетой. Помня о данном слове, всегда и везде старался опекать Виктора. Заглядывал ему в глаза, когда тот лез по необходимости на стремянку, не давал носить не только тяжелые вещи, но даже обычный монтерский чемоданчик.

В то утро они пришли в кабинет главврача менять лампы дневного света.

Пришли, разложили инструмент, достали из бумажных чехлов лампы поставили стремянку.

– Давай я? – зевая от хронического юношеского недосыпания, предложил свои услуги молодой.

– Я сам – пожалел его Виктор, карабкаясь по стремянке вверх.

И тут на самой последней ступеньке глаза у него вдруг застыли, лицо скривила гримаса боли. В голове у Андрея пронеслись страшные мысли: «Неужели оно?! Припадок!»

– Прежде всего, поймать тело, положить на пол. Под голову подложить что-либо мягкое. Чтобы не запал язык, повернуть на бок голову, – лихорадочно вспоминал он мамины наставления.

С криком:

– Держись Витя. Я тебя спасу! – Юноша бросился на помощь.

Виктор едва успел опустить изумленный взгляд вниз и крикнуть. Дальше он уже парил в свободном падении, налетев сверху на распростертое тело споткнувшегося о ножку стремянки Андрея. Рассыпавшаяся стремянка довершила начатое дело.

Когда на грохот сбегался народ во главе с главным врачом больницы, все увидели груды древесностружечных плит ещё недавно бывшую стол. Порванные, раскиданные по всей комнате бумаги и двух испачканных толи чернилами толи тушью бравых электриков

– Ну, вот, перелом, – щурясь от боли, тупо уставился на висящую точно плеть руку. Виктор.

– Виктор Михайлович! Простите! – всхлипнул Андрей. – Я подумал...

– И опять он! – Вознес руки к небу глав врач злосчастной больницы, – Вам молодой человек нужно направление в институт?! Только через мой труп! Вы у меня пойдете в колледж! Да! Именно! В американский колледж! Такие люди должны лечить...! Нет! Они просто обязаны, лечить больных вероятного противника!

Неизвестно состоялся ли обещанный труп главврача, но какую то справку мама для Андрея все-таки выхлопотала. Наверное, они там у себя в больнице здраво рассудили, что в случае неудачи парня придется трудоустраивать вновь.

«Хорошо, когда тебя любят и уважают в родном коллективе» – улыбаясь, думал Андрей, сидя на жестком неудобном сидении электрички. Сегодня у него был знаменательный день. Он ехал подавать документы в медицинский институт. Неожиданно в голову пришла бредовая мысль: «Интересно, а на каких принципах на железной дороге работает семафорная сигнализация?» И эта мысль не отпускала до самого города.

На платформе парень уперся в веселую стайку студентов стройотрядовцев. Открыв от восхищения рот, он тупо смотрел на разрисованные спины в зеленых рабочих куртках и вдруг поймал себя на мысли, что завидует этим ребятам. Завидует просто до слез.

– Генка! – Заметил он знакомое лицо в пестрой веселой толпе. – Генка Горелов!

Загорелый и гордый перед ним стоял его бывший одноклассник Гена Горелов. Гена возмужал и изменился за тот год, который они не виделись. Год не год, а уж пол года точно!

– Генка! Вы куда? – задал глупый вопрос Андрей и смутился. Несмотря на то, что были они одноклассниками, школьный приятель казался старше, красивее и опытнее его самого лет на двести.

– Едем поднимать Нечерноземье, – гордо, по взрослому ответил бывший одноклассник, доставая из кармана пачку «Примы»

– Спасибо не курю. А ты где учишься?

– Читай, – гордо повернул спину Геннадий, на которой большими красными буквами было выбито: ССО «ДИОД».

– Ух, ты! Буквы «И» в начале слова не хватает, – борясь с распиравшим его чувством зависти, попытался съязвить Андрей. – А я иду подавать документы в медицинский.

– Клистирные трубки!?! – Пренебрежительно скривил рожицу Генка, при этом, бодро схватившись за вещмешок. Группка студентов заволновалась – Все! Пока Андрюха! Пора. А вообще... Поступай лучше к нам. ЭВМ – это великое будущее! Запомни! Не пожалеешь!

Последние слова парень прокричал уже на бегу и ветер как-то по-особому весело теребил его гордую шевелюру. Величественно и загадочно интересно.

О том, что Андрей поступил в технический вуз, родители узнали только в сентябре. С мамой был маленький шок, отец же пережил все, так как и подобает настоящему мужчине.

– Ты уже взрослый! Тебе самому выбирать свою дорогу жизни. Самому идти по ней и играть с судьбой....

От любви до ненависти...

Школа была хорошей. Для малышей очень удобной. Младшие классы занимались в одноэтажной пристройке переходящей в длинный кирпичный переход, соединяющий её с основным зданием. С другого конца к пристройке примыкал коридор, ведущий в раздевалку спортивного зала. Места было предостаточно. А что ещё нужно для успешного развития ребенка? Уроки бы отменить! Да разве такое возможно?!

Раскрасневшаяся Сашка не обращая внимания на сбитый набок передник, летела по коридору точно низкорослая монгольская лошадка, а следом за ней, цепляясь за препятствия, точно сплетенная светлая грива, развивалась длинная коса.

Неожиданно на пути возник предательски выставленный грязный ботинок, и Сашка, зацепившись за него, ласточкой взмыла в воздух. Рожденный ползать летает плохо. Сашка была рождена летать, летала хорошо: легко и весело; вот только с приземлениями были некоторые проблемы. На этот раз посадка выдалась относительно мягкой. Прямо на небольшую группку девочек – тихушниц, забившихся в уголок и ехидно обсуждавших последние сплетни. Бывают такие девочки, которые не бегают по коридорам, не шумят, строят из себя примерных, а сами только и думают о том, как бы кому пакость сделать да сплетню выдумать. Девочки-старушки.

– Ууу! Монголка противная! – забрюзжали, заплакали девочки-старушки. Особенно усердствовала отличница Галя, считавшая себя первой красавицей класса. – Мы все Елене Анатольевне расскажем. Пусть она тебя накажет.

– Лягушки мохнорылые! – не мешкая, вскочила Сашка, потирая ушибленное колено. Была нужда перед такими извиняться. Ещё и обзываются. Завидуют, что Сашка целых три года жила с родителями в Монголии. Там было здорово. Там таких дур, не было. Ей там нравилось.

– Сама ушастая! – Ещё больше обиделись тихушницы. Что-то кричали в след, но Сашка их уже не слышала. Да и наплевать на них. У нее была своя компания.

– Я убью тебя Трухачев!

В перекрестие прицела, она поймала цель. За подножку толстяк должен «заплатить кровью». Трухачев – мал ростом, прыщав, очень толст и противен характером. Вечно кому-то завидует, вечно всех закладывает. Он ещё хуже, чем эти липкие лягушки – тихоквакушки. Его не любили мальчишки их класса, не любили и Сашка с подружкой Светкой. Ничего удивительного в этом не было. Так уж получилось, что Сашка в новом коллективе подружилась именно со Светкой, а Светка в мальчишеской среде всегда считались «своим парнем».

Почувствовав, что расплата грядет, Трухачев покатился по коридору точно одетый в несуразную школьную форму колобок. Скорее, скорее по переходу в основное здание, поближе к спасительной учительской. Сашка рванулась следом, стараясь не терять из виду мелькавшую точно буй на волнах засаленную шевелюру обидчика. Огибая «уставших» от занятий, весело прыгающих, орущих, бегающих школьников, то и дело натываясь, на кого ни будь из них, беглец почти достиг желанной цели. Как раз в этот момент на помощь пришла подруга.

Обидчик забился в длинных Светкиных руках, распластав свои коротенькие конечности, словно пойманный таракан.

– Держи его!

Но к тому моменту, когда Сашке удалось добраться до обидчика, одноклассники уже успели устроить веселую кучу-малу. Это ведь и правда интересно, когда кто-то кого-то ловит.

– Дайте мне! – грозно схватилась за грязный ботинок Сашка, пытаясь достать толстяка из глубины кучи.

– Тащи толстого! – с радостью помог Юрка Гришин по прозвищу Гриня.

– Этот гад Одуванчику подножку поставил. Одуванчик чуть не разбилась, – пояснила разгоряченная погоней Светка. Одуванчик, это было прозвище Сашки. Сокращение от фамилии.

– Вали толстого на бок! По тыкве ему! По тыкве! – возмутился Гриня.

Коллектив по преимуществу своему – стая, в лучшем случае – стадо. Куда сильный – туда большинство, куда большинство – туда остальные. Детский коллектив – стадо в квадрате.

Трухачев тут же получил несколько пинков и подзатыльников.

– Ребята! Давайте запихнем толстого в женский туалет!?! – весело предложил звонкий голос из толпы.

– Айда!

Бедный Виталик Трухачев попытался вырваться из цепких лап общественности, да куда там! Волна понесла его к запретной двери, за которой при других обстоятельствах скрывалось бы много интересного для любопытного мальчика. В данной ситуации любопытство молчало.

Нет! Нет! Ему туда не нужно! Вблизи оказалось, что дверь туалета довольно грубо окрашена, пятна, и потеки краски были видны тут и там. Да и открывается она натужно, со скрипом. «Не смазана» – неожиданно пронеслось в голове у Виталика.

Он расставил ноги точно циркуль, пытаясь зацепиться за дверной косяк. Тяжело жить на свете, когда у тебя коротенькие ножки, а ручки слабенькие и пухлые. Вот если бы можно было тормозить выпученными глазами, его никто и ни за что не смог бы запихнуть в это постыдное место.

Тормозить глазами не получилось, бедняга влетел в дамскую комнату пухлым растрепанным теннисным мячиком.

Надо же! Женский туалет почти ничем не отличался от мужского! Пожалуй, только белые настенные горшки отсутствовали. По молодости своей Виталик не знал, что «белые горшки» называются писсуарами. Да и вообще он много ещё чего не знал и не понимал в этой жизни, а потому как любознательный ребенок резонно подумал: «Интересно! Как они без них обходятся, когда народу много?!»

И еще одно важное открытие сделал для себя Виталик: Оказывается, учителя тоже ходят в туалет! Как обычные смертные.

– Здрсссти – не придумал он ничего лучшего, глядя в распахнутые наивно – изумленные глаза рассевшейся точно белка на суку учительницы.

Потом, осознав всю глубину момента, услужливо сказал «Ой!» и боком, боком стал выбираться в холл, подобострастно оправдываясь: «Это не я! ... Это все Сашка Одуванчикова... из третьего «Б»! Одуванчикова!»

Весь следующий урок Трухачев неспешно и вдумчиво изобретал разнообразные планы мести. Он долго изучал Сашкин профиль, воображая как уверенными и сильными руками, возьмет её за воротник школьного платица и зашвырнет в мужской туалет. Нет! Они сильнее его! Их много! Одна её подружка Светка чего стоит!

«Какие у этой противной Сашки интересные кружева на воротнике. И на манжетах. Кружевные. А какие тонкие пальцы. Наверное, ими очень удобно ковыряться в носу.

Классно было бы запихнуть её неожиданно в кабинет директора! Директор её, непременно, наказал бы за такое безобразие! Ага! А она ему выложит, что во всем виноват я! Может незаметно измазать ее чернилами!?! Не! Узнают – все равно побьют! Красивый у нее пенал. Спереть что ли? Может на перемене, когда в классе никого не будет разбросать вещи из её портфеля? Стоп! Так ведь на перемене в классе никого не будет!»

Злорадно улыбнувшись, маленький мститель успокоился, а, успокоившись, решил перекусить. Основательно запустил палец в нос, поковырялся, вынул здоровую зеленую «козу» и, не спеша, с аппетитом съел её.

– Фу! Как противно! – громко возмутилась соседка по парте – Елена Анатольевна можно я пересяду от Трухачева?

«А чего такого?» – подумал Трухачев, краснея потому, что двадцать восемь пар глаз одновременно уставились на него. Самое неприятное, что на него с отвращением смотрела эта противная Сашка. Ну, он ей ещё покажет!

На перемене молоденькая учительница начальных классов Елена Анатольевна, построила своих по парам и повела в столовую. В общей суматохе «отряд не заметил, потери бойца».

О! Школьная столовая! Адский рай и райский ад одновременно. Место всеобщего поклонения школьников. Всяк сюда стремится, пусть далеко ни каждый выживет после посещения. Затеряться в этом благословенном месте очень просто. Суета и толкотня способствуют этому.

– Дети! Чья порция? Кого не хватает за столами? – заволновалась учительница, когда завтрак подходил к концу – Трухачев! Ты где ходишь?! Быстро за стол.

Школьный завтрак – дело святое. Тут не скомандуешь: «Рота подъем! Выходи строиться в противогазах!» Ждали отстающих. На урок шли тоже организованно, но толпой. И каждый входящий в класс останавливался у доски в немом восторге. Каждый считал своим долгом хохотнуть и обернуться назад, словно в поисках того неведомого адресата кому изображенное искусство предназначалось.

А там, нетвердой, но язвительной рукой злопыхателя, была нарисована картина «Татарская княжна поит свою лошадь из унитаза в мужском туалете» Над изображением княжны корявым подчерком было написано «Светка». Ну а лошадь явно писалась с её подружки Сашки. Тут даже и подписывать не стоило. Достаточно посмотреть на гриву. Вылитая Сашкина коса.

Последним вошел Трухачев. Физиономия его сияла радостным нетерпением. Вошел и тут же получил с двух сторон по затрещине. Да так что из носа брызнула кровь.

– Девочки! – изумилась Елена Анатольевна. – Как можно?! Вы что? Девочкам драться не пристало... Не плачь Виталик... Иди, умойся и возвращайся в класс. Гончарова и Одуванчикова дневники на стол.

– А чего он! – возмутилась Светка. Саша промолчала. Первый гнев прошел, ей стало стыдно.

Вечером Сашка бродила за матерью как собачонка на поводке: из комнаты в кухню, из кухни в комнату и снова на кухню. Ей было очень любопытно, как мама отреагирует на странное, грозное замечание в дневнике написанное тревожными красными чернилами. Ей было любопытно и вместе с тем немного страшно. Но мама, как это часто бывало в последнее время, с тех пор как у Сашки появился маленький братик Вовка, была занята другими проблемами и совсем забыла поинтересоваться успехами дочери на ниве просвещения. Что поделаешь, почти все женщины в этот трудный, но сладкий период прибавления в семействе одинаковы: врачи и асфальтоукладчицы, милиционеры и даже инженеры, в славной когорте которых счастливо трудилась до ухода в декретный отпуск Сашина мама.

Наконец дочь не выдержала:

– Мама! А ты знаешь, мне сегодня в школе один очень противный мальчик поставил подножку. Я упала и сильно ударилась.

– Шурочка милая. Сколько раз я тебя просила быть осторожней, – аккуратно переливая молочную смесь в детскую бутылочку, рассеяно ответила мама.

– Мама это такой противный мальчик. Представляешь, он всегда потный, жирный, от него всегда плохо пахнет! А ещё он жадный!... А ещё ест сопли!

– Ну, ну! Прямо Квазимодо.

– Да мама! Да! А мне из-за него учительница в дневник замечание написала, – поджала губки Саша и, смешно повернув на бок головку, задумчиво стала разглядывать цветочные горшки на подоконнике.

– Так! Вот с этого и нужно было начинать. Подружка моя! Принеси-ка мне свой дневничок.

– Вот! Я так и знала, что ты будешь ругаться, – бурчала Сашка, доставая дневник, – Всё этот противный Трухачев виноват. Я его не трогала. Гадкий!

Мама пролиставала дневник, нашла запись с замечанием. Долго читала, качая головой:

– Ах, Шурочка, Шурочка! Придется лишиться тебя подарка. Помнишь, ты просила ту розовую заколку с цветочком? Я, пожалуй, отдам её соседской девочке.

Сашка надулась, но молчала, едва сдерживая слезы. Её даже не возмутил тот факт, что мать упорно называла её Шурочкой. При других обстоятельствах это вызвало бы бурю эмоций. Она Сашка! А, не кокая-то, там, девчоночья Шурочка!

Слезы подступали к глазам крупными бусинками точно предвестники летнего ливня. Сашке было очень жалко симпатичную розовую заколку, которую, оказывается, в тайне от нее мама купила и которую, теперь будет носить другая девочка.

– Отец расстроится! Ругаться будет. Ты же знаешь, какой он у нас добрый, но вспыльчивый.

– Знаю, – послушно всхлипнула Сашка, – Вот появился у вас этот противный маленький Вовка, и вы меня совсем разлюбили.

Сказала и горько заплакала. Мать растерялась, всплеснула руками, схватила кухонную тряпку, которой обычно вытирала стол, бросила её зачем-то в угол, снова всплеснула руками. Обняла дочь

– Глупости. Горе ты мое.

– Папа будет ругаться на свою Чебурашку из-за противного замечания! Противный! Противный Трухачев! Не люблю его! Ненавижу! – Рыдала девочка.

– Успокойся милая.... Это все... твоя подружка Светка... тебя сбивает. Не дружи с ней больше ...

В то же самое время ничего не подозревавшая Светка в полутемной комнате сидя на стареньком ошестинившемся продавленными пружинами диване играла со старшей сестрой в подкидного дурака.

С кухни, где хозяйничала мать, полная женщина с признаками отдышки, доносился специфический запах свежесваренной капусты.

– Не жульничай! – тихо попросила Светку сестра. Сестры были не похожи друг на друга, ни внешне, ни по характеру. Иногда создавалось впечатление, будто они рождены от разных родителей. Старшая спокойная, тихая скромная девушка, наделенная особым малозаметным шармом полевого цветка, и в противоположность ей младшая: буйная, с неправильными, волевыми чертами лица.

В прихожей что-то заскреблось в дверь, словно вернулся с прогулки справивший свои естественные потребности шкодливых кот гуляка. Старенькая залатанная в нескольких местах дверь завибрировала под натиском шаловливых лап и после нескольких пинков с наружной стороны – подалась, о чем услужливо известил её натужный предсмертный скрип и через мгновение глухой удар: словно мешок картошки на пол. Бум! Пауза.

– Рр оодстве нникии! Ваш папа пришел, – подало голос то, что имитировало вначале кота, а потом и мешок.

– Пришел гад! Опять пьяный, – с нескрываемой ненавистью прошептала старшая сестра.

– Мы сегодня одного такого козла в женский туалет запихнули, – подражая ей, играла мимикой лица Светка – Мне училка чернуху в дневник накачала! Кстати! Кать! Распишись за предков. Пожалуйста. Их разве допросишься?!

Светка вскочила с кровати, ежась от холода, зашлепала босыми пятками по не застеленному полу. Подняв валявшийся в углу портфель, поставила его на подоконник, и принялась

небрежно рыться в поисках дневника, изредка бросая косые взгляды, на вспыхивающие светлячки окон дома напротив.

А там, в просторной, ярко освещенной столовой, дома сталинской постройки с высокими потолками, за покрытым чистейшей скатертью столом восседало семейство Трухачевых.

– Почему Заинька сегодня такой грустный? – ласково, даже немного заискивающе поинтересовалась у своего чада мама.

– Григорий, – грозный окрик в сторону мужа потянувшегося было под шумок к манящему прохладой графинчику с водочкой.

– Брр! – буркнул в ответ рассерженный Виталик.

«Заинька» был единственным, к тому же поздним ребенком в семье ни обделенной достатком. Благо и папа и мама усердно помогали советским гражданам разрушать знаменательные успехи страны на ниве выполнения продовольственной программы. В последствии они даже гордо и вполне искренне называли себя диссидентами, так как успешно, хоть и не бескорыстно заменяли гражданам изношенные естественные зубы на искусственные. Папа: здоровенный мужик с крупным, мясистым носом, мощными волосатыми руками и не уступающей им в лохматости грудью в заводской поликлинике эти самые зубы удалял, а мама, сухая, строгая женщина с вытянутым плоским лицом, таким же плоским туловищем, волосами, постоянно убранными в пучок, заменяла на новые, пусть и искусственные.

– Витасинька! Скушай мой маленький ещё кусочек курочки.

– Не хочу!

– Что случилось с моим зайчиком? Почему он не хочет порадовать свою мамочку? Почему ты так мало кушаешь сегодня? Заинька любит куриную ножку? Гриша мальчик съел две ножки и хочет ещё!

– Тоня, где я тебе возьму третью куриную ножку?! Ребенок съел достаточно, – попытался успокоить жену отец семейства, с вождением поглядывая на заветный графин. Уж лучше б он промолчал.

А так пришлось выслушивать обвинения во всех смертных грехах, начиная с нового гарнитура Хаимовых и заканчивая тем обстоятельством, что у отечественных кур всего две «куриные ножки», что явно недостаточно для полноценного здорового питания их дорогого чада.

– Витасинька скушай грудку. Смотри здесь тоже много мяса. Ну, что случилось с моим соловушкой? Расскажи своей мамочке. Заинька мама очень переживает!

Какое же сердце добропорядочного, любящего сына выдержит такие страдания матери. Даваясь слезами и мясом куриной грудки, отпрыск сначала нехотя, потом все живее и живее стал рассказывать перипетии неудачного дня, приукрашивая события выдуманными подробностями

– Какой ужас! Ты слышишь Гриша, что говорит наш мальчик? – Прикрывая от страха ладошкой рот, по ходу сбивчивого повествования сына ужасалась Антонина Евгеньевна, – Это безобразие! Я завтра же пойду в их варварскую школу! К директору! К классному руководителю! Гриша оставь графин в покое. Это форменное безобразие! Необходимо, что-то делать с этой шайкой разбойников. Гриша если они сейчас так издеваются над бедным, порядочным мальчиком, ты представляешь, какие преступники из них вырастут завтра?

Гриша окинул комнату потухшим взглядом. Занимавший все его внимание заветный графин медленно исчезал в бездонных глубинах огромного кухонного шкафа. Пробурчал: «Дети сами разберутся», за что был обвинен в безразличном отношении к семье, автоматически заподозрен в наличии любовницы и уличен в сокрытии доходов.

В ответ Гриша замкнулся, потух и был отправлен, точно вымуштрованный пес на место, а именно на большой черный кожаный диван читать свежую прессу. Из столовой ещё некоторое время доносились всхлипывания Трухачева – младшего да набившее оскомину: «Скушай зайнька ещё кусочек!».

Утро всегда мудренее вечера. Всегда, но не для всех. Мама Виталика Трухачева прилетела в школу вместе с сыном к первому уроку, устроила скандал Елене Анатольевне, учительнице «драгоценного Витасика». Лично передвинула «неудобную» парту, за которой «мучался её зайчик» заменив её такой же, но соседней, и улетела по своим делам. Она улетела а «Витасик» остался.

– Ябеда – корябеда соленый огурец, по полу катается, никто его не ест! – Дразнили в перерыве Виталика «малолетние преступницы» Светка с Сашкой, которым тоже порядочно досталось от мамы – Трухачевой.

Виталик попытался дать отпор этим лживым девчоночьим проискам, даже замахнулся на них пухлым кулачком, но кто-то из ребят больно ударил его в спину. Ударил так, что Виталик согнувшись пополам, заплакал.

– Рева корова дай молока...

Виталику было обидно за свое бессилие. А ещё – было очень стыдно за слезы.

– Давайте больше никогда не будем с ним разговаривать?! – Предложила Светка

– Давайте! – Поддержала Сашка

– Молчанку толстому! – загалдели ребята.

Чтобы не слышать всего этого безобразия Виталик под улюлюканье одноклассников побежал в сторону спортивного зала с одной мыслью, укрыться там от ненавистных глаз и жестоких языков. Переход в раздевалку спортивного зала не был оборудован окнами, да и освещался плохо. Часто там вообще царил сплошной полумрак. Толи место здесь было особое, с геомагнитными отклонениями? Толи школьные лодыри что-то нахимичили? Только завхоз, замучившись менять лампочки, плюнул на этот «бермудский треугольник» и постарался забыть о нем покрепче. Чем не богом забытое место?

А неблагоприятные с точки зрения геомагнитного фона места всегда притягивают к себе неблагонадежный контингент. В полутемном коридоре заговорщицки шушукалась маленькая, но очень тесная компания.

– Труха! Иди к нам, – узнал Виталик голос Грини.

Гриня вместе с парочкой таких же «неблагонадежных» прятался от здорового школьного общества не зря. Облюбовав полутемный коридор, они в углу его открыли казино, где азартно играли на деньги.

– Труха наш человек! Давай по пяточку в трусилочку?!

Трусилочка не требовала никаких игровых автоматов. Вернее в качестве автомата выступал один из играющих. Денежки опускаются на ладонь, накрываются второй ладонью и перемишиваются. Человек – автомат активно трясет их в ладонях. Затем второй играющий останавливает процесс, говорит, например – «Орел», и, соответственно, забирает себе все монетки, которые оказываются повернутыми «орлом» вверх. Всё что останется, достается игроку-автомату.

В любой другой ситуации Виталик, конечно же, отказался б от такого «темного» предложения. Но именно сейчас он имел непреодолимую потребность в человеческом обществе...

Начали по пяточку, потом по «десюньчику». Дальше – больше. Звонок на урок застал игроков в тот момент, когда разыгрывались баснословные суммы. Аж, по двадцать копеек!

– Орешка! – остановил Гриню Виталик.

– Ха! Толстый проиграл! – Быстро сунул Виталику под нос и тут же убрал в карман брюк ладонь с мелочью Гриня, воровато озираясь по сторонам.

– Постой! Там же орешка была... – возмутился Виталик, но тут же получил тычок остреньким кулачком в бок.

– Увянь! Там одни «орлы» были.

– Постой. Это же мои деньги – захныкал Виталик.

– Денежный долг. Долг чести. А скажешь кому, получишь...

Гриня так грозно произнес матерное слово, что у Виталика пропало всякое желание, что-либо кому-либо рассказывать. Теперь уж он был научен горьким опытом. Теперь он станет умнее.

Странная эта штука жизнь. Ещё вчера дела у тебя вроде бы шли нормально. Пусть и не совсем блестяще, но нормально. Калякаешь себе в тетради разные закорючки, обливая пальцы чернилами. Устанешь – можно «козой» подкрепиться. Захочешь развлечься – на перемене девочек за косички подергаешь или, на худой конец, подножку поставишь. «Яму» ближнему выроешь. А дома любящая мама у плиты. Можно наестся до икоты вкусной питательной стряпни, потом поваляться в собственной комнате на коечке, пукнуть в свое удовольствие....

И вдруг все рушится в один момент.

Следующие несколько месяцев стали для Виталика Трухачева настоящим кошмаром. Одноклассники избегали общения с ним, своим видом выказывая ему презрение. Конечно не все в одинаковой степени. Но эта противная Сашка, будто вообще перестала его замечать. Только Гриня и его преданная «мафия» проявляли к Трухачеву живой, неподдельный интерес. Каждое утро, на первой же перемене они почти силком тащили мальчика в полутемный коридор, к спортзалу, где беззастенчиво обыгрывали вчистую, вытрясая всю карманную мелочь. Виталик пробовал возмущаться, но тут же получал тычок в бок или окрик для острастки. Оказать достойное сопротивление ни хватало смелости. Он, конечно, понимал, что влип в нехорошую историю. Что должен был бы проявить волю и твердо сказать «Нет!». Подрасться, в конце концов. Но здравые рассуждения всегда оседали на уровне фантазий. Действительность же оказывалась: трусливой, печальной, и подавленной. От этого Виталик страдал вдвойне. Он даже похудел. Чем довел до паники чадолюбивую маму, заподозрившую наличие у ребенка целого букета разнообразных заболеваний самым безвредным из которых считался авитаминоз. Виталик стал замкнутым, часами сидел у себя в комнате и фантазировал, а ещё – рисовал. Откуда что взялось? В нем внезапно проснулись способности к портретной графике. И просиживал он вечера напролет, малюя женские фигурки и профили. Да ещё коней, только все больше почему – то с девичьими лицами и заплетенными в косы гривами. В другой ситуации эта тяга ребенка к творчеству только обрадовала бы маму, но теперь она пугала и настораживала чуткое материнское сердце.

Зимним утром, когда на улице темно, идти в школу совсем не хочется. Виталик проснулся с тяжелым чувством, обещающим очередную серию кошмаров.

«Может прикинуться больным?» – засверкал в мозгу спасительный лучик. «Нет. Вряд ли удастся. Только позавчера притворялся. Да и на прошлой неделе два дня пропустил. Придется идти» – безрадостно вздохнул он.

– Зайчик. Возьми тридцать копеек. Поешь дополнительно. Купи себе булочку и обязательно запей ее горячим чаем. Ну почему зайчик такой грустный? – суежилась в прихожей Трухачева – мама.

– Угу. – Кивнул расстроенный «зайчик» подставляя ладонь под звенящую мелочь.

– Не трать деньги на мороженое. Купи лучше «пингвинчика».... Или даже два....

– Угу – согласно кивнул отпрыск, и незаметно для матери сунул деньги в карман своей старой спортивной куртки висевшей тут же в шкафу рядом с зимним пальто. Уже затворяя дверь «Зайчик» решительно произнес – Вот Вам! А не деньги!

– Что? Заинька!?! – переспросила мама, но ответом ей был лишь топот ног по лестнице.

Трухачев опаздывал. По дороге к школе нужно было перейти по небольшому мосту даже в лютые морозы не замерзавшую, речушку, послушно транспортировавшую в далекий и неведомый океан отходы производства местного химзавода.

Съёжившись от холода, он бежал к мосту, срезая угол, по протоптанной тропинке вдоль небольшой лесополосы. Уж вот он и мостик. И тут Виталик неожиданно натолкнулся на препятствие.

– Ой!

Прямо на тропинке два здоровых «верзилы» мутузили местного «мафиози» игорного бизнеса Гриню. Гриня выглядел совсем не так грозно как обычно и отнюдь не презентабельно. Он от природы был не высок ростом, а тут, казалось, сжался в комок.

«Класса из восьмого, девятого» – подумал Трухачев о «верзилах», больше он ничего подумать не успел.

– Артур я вечером отдам! Вот! Он мне денег должен! У него возьмите, – плаксивым голосом затараторил Гриня, указывая пальцем в сторону Виталика.

– Давай все что есть, – скалой придвинулся к Трухачеву тот, которого Гриня только что назвал Артуром.

– У меня ничего нет – испуганно отшатнулся Виталик.

– Выворачивай карманы.

Снова липкий страх сковал Виталика с ног до головы. Подчиняясь наглým требованиям «верзилы» он вывернул карманы пальто и брюк. Пришлось даже расстегнуть пуговицы пальто, чтобы бандиты смогли проверить содержимое школьной курточки.

– Портфель! – потребовал Артур.

Выхватив его из рук Виталика, он стал методично выбрасывать тетради, книги, ручки. Все полетело прямо в «химическую» реку. Убедившись в тщетности поисков «верзилы» ответили Виталику с Гриней по смачному пинку в заднее место и пригрозив последнему:

– Рыжий! Чтобы к вечеру должок вернул! Иначе морду набьем, – побежали в противоположном от школы направлении.

Немного оклемавшись, друзья по несчастью утерли сопли и слезы. Попытались собрать раскиданные вещи. Да куда там. Из всего имущества удалось достать мокрый грязный портфель, порванную тетрадь и пару карандашей из набора. Остальное унесла или поглотила «химическая» река.

– Что теперь будет?! – снова заплакал Виталик, – Разбойники! Пусть мне все новое покупают!

– А ты их знаешь? Я нет! – охладил возмущенный пыл Трухачева Гриня – Уж лучше скажем, что по дороге на тебя напал и ограбил здоровенный дядька в ватнике. Все, что было в портфеле – отобрал. Или, что портфель за машину зацепился и уехал вместе с ней. Эта мысль – клевая! А то побьют. Сильно побьют... И не раз!

Виталик молчал. Только всхлипывал иногда.

– Пошли. В подъезде посидим. В трусилку сыграем. На урок мы уже опоздали.

– Денег нет, – удивился Виталик

– Я тебе в долг дам.

Виталик заплакал от обиды, схватил пустой ни застегнутый портфель и побежал в сторону школы.

– ... толстый ...поиграем... прежний долг прощу – уже на мосту донес до него ветер обрывки фразы. Но Виталик ни хотел больше общаться с этим подлецом Гриней.

В вестибюле здания школы Трухачев растерялся. С одной стороны без книжек и тетрадей на уроках ему было делать нечего. С другой стороны как послушный ученик занятия пропустить он не имел права. Помявшись немного в гардеробе, мальчик решил: «Пойду!».

И надо же такому случится. Прямо у дверей классной комнаты, его остановил грозный окрик бдительного директора:

– Ученик! Ты, по какой причине?!

Директор имел в «народе» прозвище «Генерал». Про «Генерала» ходили разнообразные слухи. В общем, ничего необычного: в младших классах искренне верили, например, что он бывший Карабас Барабас, школьники постарше утверждали, что директор законспирированный Гудвин. Великий и ужасный. Мнения старшеклассников разделились, одни говорили, что

их «Генерал» – тайный агент «папаша Мюллер», другие, загадочно улыбаясь, утверждали, что доподлинно известно – директор никто иной, как легендарный и бескомпромиссный, пардон, Лука Мудищев, жизнеописание которого начато ещё фривольным поэтом Барковым.

Скорее всего, правы были и те, и другие, и третьи. Поскольку «Генерал» будучи отставным полковником, прошедшим боевые действия, воинские гарнизоны, академию генштаба, преподавание в военном училище, был действительно человеком суровым, требовательным и бескомпромиссным. А уж, какой только карабасины – барабасины он в своей жизни ни повидал и ни изведал....

– Ученик! Ты, по какой причине опаздываешь на занятия?! Ты, из какого класса?

Виталик потерял дар речи. Только и смог ватной рукой указать в направлении кабинета.

– Ты, почему нарушаешь общественную дисциплину? Ты знаешь, что наши враги ждут, не дожидаясь того момента, когда ты расслабишься?! – твердым голосом отчеканил директор, стоя перед Виталиком по стойке «смирно».

Виталику стало страшно, за себя, за маму, за родную страну.

– Ты, по какой причине опоздал на занятия?

– Проспал, – не зная, что придумать, дрожащим голосом соврал Виталик

Могучая директорская ладонь опустилась на плечо. Настойчиво и требовательно подвинула мальчика к двери кабинета. Виталик стоял: ни жив, ни мертв. Он даже не понял, каким образом оказался внутри классной комнаты.

– Ваш? – грозно спросил «Генерал» у Елены Анатольевны.

– Да...а – дрогнул голос молоденькой учительницы

– Дети! Перед вами редкий экземпляр дезертира и разгильдяя. Он бросил свой пост. Проспал его! А если бы была война? Посмотрите! Разве может такой человек стать настоящим советским пионером? Потом стать комсомольцем, а потом гражданином!?

Дети опустили глаза и вжались в парты. Им явственно представилось, что вот сейчас из-за плеча директора волшебным образом упадет на пол громадная черная борода, в руках его окажется длинная плетка, и свист ее разрежет воздух печальным криком.

– Пипец кролику! – злорадно прошептала Светка с соседней парты.

Сашке стало очень жалко, маленького, в одно мгновение похудевшего, дрожащего и всхлипывающего Трухачева.

– Ученик! Почему у тебя такой неопрятный вид? Разве так должен выглядеть советский школьник? Портфель расстегнут, – выхватил из рук Виталика его пустой саквояж директор – В портфеле я уверен – беспорядок.

Директор откинул крышку, побледнел, потом позеленел и, наконец, выдохнул:

– Где тетради? Где книги? Где дневник?

– Потерял – прошептал раздавленный Виталик

– Что?!... – в свою очередь на мгновение потерял дар речи директор.

– Громче говори. Чтобы все слышали.

– Потерял.

– Твои товарищи не слышат!

Но Виталик замолчал окончательно и бесповоротно. Замолчал как партизан. Навеки.

– Дети! – трагически закатил глаза к небу директор, – Этот человек потерял самое святое, что есть у советского школьника. Дневник! Дневник для ученика – все равно, что знамя для солдата! А вы знаете, что делают с солдатами потерявшими дневн.... Виноват. Потерявшими боевое знамя?!

– Не пускают в столовую, – брякнула Светка, и по классу покатился нервный смешок.

– Нет, дети! Таких солдат расстреливают, – опустил взгляд на пол директор, словно пригвоздил к нему нерадивого солдата.

– А этот ... ученик. Теперь уже, наверное, бывший, – решил по полной программе воспитывать «злого нарушителя» директор, – потерял свое знамя! Я буду вынужден исключить его из школы. Позор. Он подвел вашу учительницу, подвел ваш коллектив, подвел меня...

Возможно, Мон General ещё долго распространялся бы на эту тему, если бы неожиданно, в наступившей паузе все явственно ни услышали, характерный шум струившейся жидкости.

Внимательные взгляды школьников как по команде отреагировали на звук и уперлись в Трухачева. Он стоял в луже. Такой маленький, испуганный и беззащитный как котенок.

На штанишках прямо от области ширинки вниз явственно просматривались мокрые пятна. Ветерок оживления загулял по классу, срывая взволнованный шепот в редкие смешки

От жалости у Сашки сжалось сердце.

Директор, сообразив видимо, что явно перегнул палку, стал искать педагогичный выход из создавшейся ситуации:

– Хгы-хгы! Правда возможен вариант, когда кто-то из товарищей этого ... нарушителя дисциплины возьмет над ним шефство, – с надеждой окинул директор взглядом внимательно разглядывавших крышки своих парт учеников.

– Возьмет... так сказать... товарища на поруки...

Пауза затягивалась и тут, неожиданно для всех в тишине, раздался звенящий от волнения голос Сашки:

– Я возьму шефство! Только не выгоняйте его, ... пожалуйста.

Когда Сашка, пунцовая как рак оправилась от волнения и подняла глаза, два десятка удивленных взглядов одноклассников с тревогой вопрошали «Уж не заболела ли?», но все они утонули во взгляде одном: полном благодарности и собачьей преданности...

Учительская была почти пуста. У окна, сидя за столом, дремала пожилая географичка Евдокия Петровна да молоденькая «химичка» Марина лениво поливала цветы. Марине было скучно. Ужасно скучно! Человеку ведь нужно как-то скоротать время, если впереди у него, до посещения парикмахерской, целый час. В присутствии Евдокии Петровны скука грозила перерасти просто в смертную тоску. О чем с ней говорить? Не будешь же старой перечнице рассказывать о том, какие шикарные трусики тебе удалось урвать по блату! А так хочется поделиться радостью. Хоть цветам рассказывай. Марина вся извелась. На её счастье открылась дверь и в комнату впорхнула учительница младших классов Леночка Соколова.

– Ленка! Рассказывай как ты?! – набросилась Марина на подругу точно клоп на свеженького клиента. – Как дела?

– Ой, Марин! Этот Трухачев меня просто достал!

– У тебя новый?! – Изумилась Марина – А как же Виктор?

– Причем здесь Виктор? – В ответ удивилась Лена, – Да и никакой он не новый! Он у меня с первого класса учится. Представляешь? Учиться перестал, занятия прогуливает, одноклассникам грубит, а сегодня...

– Ты об учениках? Плюнь Ленка! Отработала и забыла. Я тебя о делах на личном фронте спрашиваю. Как у тебя с этим?... Спортсменом.... С Виктором?

Лена опасливо посмотрела в сторону «спящей» географички. Маринка пренебрежительно кивнула мол «Да бог с ней!».

– Не важно, – понизила голос почти до шепота Елена, – Раньше казалось – такой парень! Умница. Красавец. Цветы дарил. В парк..., в кино.... А сейчас – словно подменили. Знаешь, что он мне в прошлое воскресенье выдал: «Для меня – главное мои друзья! А ты для меня на втором плане». Представляешь? В общем – слышать о нем больше не хочу! Забыли. Как я могла ошибиться? Полюбить такого?! Не пойму.

Марина довольная тем обстоятельством, что этикет соблюден, подруга выслушана, собралась, уж поделиться собственной радостью, уж и рот открыла, только неожиданно от окна, там, где дремала до времени пожилая учительница, сентиментальный, грустный голос произнес:

– Ах, девочки, девочки. Не зря в народе говорят «От любви до ненависти – один шаг»
Девушки смутились. Извиняясь и пряча глаза, они разбежались по углам.

– Да! От любви до ненависти – один шаг! – Философски прищутив один глаз, рассеянно
посмотрела в окно Евдокия Петровна, – Но тогда что же получается? От ненависти до любви....

«Мячик»

Василий Кукиш по прозвищу «Мячик» размеренно и неспешно брел по институтскому коридору в сторону вычислительного центра. Студенты, в общей массе своей народ занятой, но веселый, радостно улыбались ему, кричали: «Привет!», «Как дела!?».

«Замечательно! Превосходно! Великолепно!» – жестами отвечал Василий. Кое с кем здоровался за руку.

Следует отметить, что легендарной личностью Василий считался не только в институтских кругах. В среде местного, городского бомонда он по своей популярности уступал разве что Жану Полю Бельмондо. Немного. Совсем чуть-чуть. Да и то исключительно в трезвом виде. А поскольку в таком «неестественном» для себя состоянии Василий появлялся в обществе крайне редко, то пальма первенства почти постоянно доставалась именно ему.

В Василии оригинальным было все. Начиная от одежды и заканчивая мыслями. К душе же своей он подпускал далеко не каждого, но по рассказам счастливых очевидцев можно было сделать вывод, что и она тоже была отнюдь не тривиальной.

Василий двухметровый гигант с огненно рыжей бородой и немалым поперечным сечением любил одеваться в светлых тонах, часто под цвет бороды. Добрый, слегка наивный взгляд больших широко поставленных глаз располагал к нему с первого знакомства не только женскую, но и мужскую половину человечества. Это самое человечество Василий тоже любил, особенно если оно группировалось вокруг него в веселую хмельную компанию. Но больше всего на свете он обожал две вещи: ЭВМ и хоккей. На окне в его комнате вместо шторы вечно болтался клубный флаг, или флаг проявившей себя национальной сборной. Какого клуба, какой страны – для Василия было абсолютно без разницы. Важен сам факт. Флаги Василий коллекционировал. Как, где и какой ценой они ему доставались, чаще всего оставалось тайной.

Кроме того, Василий состоял в тесных, дружеских отношениях почти со всеми игроками местной хоккейной команды, чем в немалой степени способствовал росту своей популярности в глазах сильного пола, а в драматическом театре имел «собственную» ложу. Поговаривали, будто у Василия был жестокий роман с администратором данного театра. И словно в подтверждение слухам, иногда по понедельникам какая-то экзальтированная особа закатывала бордачу жуткие скандалы и истерики. Чаще посредством телефона, но бывало и лично. По поводу и без оно.

Повод, скорее всего, был! Видимо Василий предпочитал тратить выходные, на посещение разнообразных увеселительных мероприятий, избегая при этом общества отнюдь не юной администраторши. Например, его точно магнитом притягивали городские свадьбы. Благо холостых друзей за время работы в институте накопилось предостаточно, а пригласить Василия на свадьбу считалось не менее почетно, чем пригласить генерала. И не беда что во время торжества у него было два коронных номера: в укромном уголке поиметь свидетельницу и в финале упасть бородой в салат. Ему было разрешено все.

Впрочем, любые похождения Мячика тут же обрастали легендами, из которых сложно было понять где – правда, а где наивный вымысел, а потому что бы, не вводить читателя в заблуждения о легендах лучше умолчим. Постараемся привести лишь факты, не вызывающие сомнений в достоверности.

А таковых в устном жизнеописании нашего героя наберется от силы парочка: во-первых, по паспорту его действительно звали Василий Кукиш, ну а во– вторых в институте работал он инженером на ВЦ. Все!

Дальше снова начинались легенды. Говорили, будто Мячик окончил с красным дипломом МГУ и, отказавшись от прекрасной карьеры в столице, вернулся на родину так сказать «из любви к искусству». Злые языки в ответ распускали по городу компрометирующие Васи-

лия слухи: «Мол, окончил Мячик вовсе не МГУ, а хмыз – академию ПТУ номер 28. Да и не с красным дипломом вовсе, а с красным носом».

«Ху! Как же такой человек мог оказаться в вычислительном центре института?!» – резонно возмущались хранители «святого».

«Ха!» – смеялись им в лицо клеветники, – «Так он же приемный сын дочери заведующего военной кафедры. А вы не знали?!»

Впрочем, все это опять-таки из области легенд и фантазий, а мы договорились повествовать только проверенные факты. Извините. Не получается! Что поделаешь? Личность то – легендарная!

Итак, Василий, преодолев массу дружеских приветствий, и бурю оваций добрался до вычислительного центра. ВЦ – это храм. Разве можно сравнить его удивительную немного таинственную «атмосферу» с шумом и гамом институтских коридоров. Здесь всегда: чинно, спокойно, размеренно. Даже звуки и те по большей части монотонны. Всегда – но не сегодня. Лаборантка Верочка и оператор Нина Михайловна бегали из угла в угол, словно под их белые обольстительные халатики забралась парочка шалунишек Карлсонов.

Это обстоятельство неприятно поразило Василия. Он ожидал увидеть мирное чаепитие, в крайнем случае, женский клуб по интересам, а тут такое... безобразие. Из полуоткрытой двери операторской раздавалось заунывное ворчание лобастого аспиранта Пиюка. Пиюк воевал с перфоратором.

– Кто пустил сюда этого уроды? – беззлобно спросил Василий

– А вот и он! Ходит! Здрассте! – увидав Мячика, погрозила ему пальчиком Нина Михайловна.

– Привет.

– Зоя прибежала! Расшумелась, – пояснила испуганная Верочка.

Верочка боялась всех и вся. Боялась даже саму себя. Ее большие широко, раскрытые глаза наполняли окружающий мир одним словом: «Страх». За что Кукиш её резонно прозвал «Чучундрой».

При виде доцента Зои Семеновны Долговой, заместителя декана факультета вычислительной техники, заведующей одной из его кафедр, Верочка просто тряслась от страха. С мужиками было проще. Улыбнешься пару раз – глядишь растает. А стерве Зое улыбайся ни улыбайся – все едино.

– Чего хотела? – небрежно плюхнулся на стул Василий.

– Тебя искала, – пояснила Верочка-Чучундра, – У нее сегодня толи экскурсия, толи факультатив с первокурсниками. Просила машину подготовить. «Где Ваш?» – говорит, – «Шиш на постном масле!» Вечно шляется в рабочее время»

– В следующий раз скажи ей, что Василий Павлович Кукиш, в рабочее время, не шляется где попало! А сидит в мужском туалете. По надобности... Вторая кабинка от окна.

Василий поднялся со стула, постоял немного у двери ведущей в святая-святых. В машинный зал. Постоял, словно обдумывая, что-то очень важное, потом развернулся и пошел к выходу.

– Вась! Ты куда? – удивилась Верочка

– На объект.

– А как же я?

– «Наири» запустишь.

– С точки зрения информационной системы в целом, система восприятия осуществляет первичную обработку собираемой извне информации. В свою очередь, для системы восприятия первичную обработку информации производит система сбора информации. Нередко на практике встречаются информационные системы, не обладающие развитой системой восприятия информации...

Студенты первокурсники слушали Зою Семеновну, затаив дыхание. «Какая умная женщина! Нам никогда не постичь всего этого», – читала она изумление и испуг в их глазах. Толи ещё будет!

Не удивительно. Специалистом такого класса так просто не становятся. Зоя Владимировна прошла тернистый путь от инженера научно-исследовательского радиотехнического института, до доцента, заместителя декана факультета пусть и провинциального, но все же уважаемого вуза. У Зои Семеновны вон и докторская на подходе...

– Вычислительная задача, формируемая источником вычислительных задач, по мере необходимости решения обращается с запросами в вычислительную систему. Организация вычислительного процесса предполагает определение последовательности решения задач и реализацию вычислений....

А чего стоит 56 публикаций в различных научно-технических изданиях?!

– Внутримашинная технология решения задач на ЭВМ, как правило, реализует следующие типовые процессы преобразования информации: формирование новых массивов информации; упорядочение информационных массивов....

А три изобретения? Впрочем, не так много конечно. Зато одно в соавторстве с самим академиком А....

– Хранение и накопление информации вызвано многократным ее использованием, применением постоянной информации, необходимостью комплектации первичных данных...

«Как же здесь все умно, и таинственно. Умно – значит красиво» – подумал Андрей подсознательно примеряя себя к обстановке вычислительного центра.

Чисто внешне Андрей себе очень нравился. Светловолосый симпатяга. Маленький аккуратный носик, большие голубые глазищи. В последнее время Андрей снова отрастил достаточно пышную шевелюру, волосы закудрявились, так, что он стал очень похож на юного Сережу Есенина. Одна беда – малый рост. По этому поводу Андрей комплексовал жутко. «Не переживай. Нормальный у тебя рост! Вырастишь ещё!» – твердили родственники. Только вот что-то никак!

– Бугор! Подвинься! – попытался он сдвинуть в сторону старосту группы Юрика Титова.

Юрик гренадерским ростом тоже не отличался, зато по ширине не уступал трехстворчатому платяному шкафу, за что в совокупности с занимаемым постом получил свое гордое прозвище «Бугор».

– А теперь пройдите сюда, – скомандовала Зоя Семеновна и монотонное гудение комнаты, дополнилось тихими шаркающими шагами.

В этот раз Андрей постарался проскочить в передний ряд слушателей, оттеснив Титова на второй план.

– Перед вами электронно-вычислительная машина серии "Наири" разработчик: Ереванский научно-исследовательский институт математических машин. Система команд – двухадресная. Машина предназначена для решения широкого круга инженерных, научно-технических, а также некоторых типов планово-экономических и учетно-статистических задач.

– Форма представления чисел – двоичная с фиксированной запятой. Операции с плавающей запятой выполняются по подпрограмме. Длина слова – 36 двоичных разрядов...

И дальше слова, слова: устройство ввода, ферритовые сердечники, микропрограммный принцип действия. Как же все это занимательно и интересно.

«Как много знает и умеет эта женщина. Вот бы мне, когда ни будь научиться так....» – восхищался Андрей и, пугаясь себя самого, неоднократно переспрашивал – «А хватит ли мозгов?!»

– Теперь мы с вами попробуем, решить какую ни будь интересную практическую задачу, – парила над студентами Зоя Семеновна. – Например...

– Как прожить месяц на одну стипендию, – прячась за спины сокурсников, подсказал отслуживший в армии Витька Новиков. Хохмач и балагур.

– Вам молодой человек пора задуматься над другой задачей: Как прожить месяц без стипендии. – Слово «без» Зоя Семеновна выделила особо.

– Итак! Решим с вами следующую задачу: Сколько в полном рулоне автобусных билетов, билетов со счастливыми номерами?

– Ууууу – одобрительно загудели студенты.

– Что по этому поводу думает наш самый разговорчивый молодой человек? Да! Да! Вы.

– Я? – переспросил Витька, состроив глупую рожу.

– Вы.

– Сто

– Ну?! Маловато.

– Тогда ...сто два – не растерялся Новиков

– Сейчас проверим. – Снисходительно до степени уничижения окинула взглядом макушку прятавшегося за спинами студентов Виктора Зоя Семеновна.

– Для ввода, а в данном варианте исполнения, и вывода информации, ЭВМ снабжена печатной машинкой "Консул-254". Сейчас мы попросим лаборанта ввести условие задачи. Пожалуйста.

Верочка-Чучундра ловко застучала пальчиками– коготками по клавишам пригнув головку к самой клавиатуре печатной машинки. Зоя Семеновна ходила за ее спиной точно полководец, вскинув подбородок вверх. То и дело она притрагивалась к корпусу машины, словно оглаживая его. Казалось, она хотела нажать на тумблер или на одну из мигающих лампочек, да только никак не могла решить на какую.

Машина напоминала изогнутый буквой «Г» письменный стол с установленными на нем электронными приборами. Андрей попытался подробно рассмотреть это «чудо техники» но тут кто-то требовательно потянул его сзади за свитер.

– Смотри Андрюха! Вон где настоящие чудеса! Техника будущего. «ЭСЭМка» наверное. – Бугор указал кивком на стеклянную перегородку, за которой в сумраке виднелись шкафы совсем другого, более мощного агрегата. Андрей и сам неоднократно посматривал в ту сторону. Круто. И везде лампочки, бабинки какие-то...

Они отвлеклись. Казалось совсем не надолго. На минуту. От силы на две. А, в это время с решением задачи явно что-то не заладилось. Над толпой студентов пролетел тревожный шорох. С машиной случился конфуз. Она замерла на самом интересном месте. Верочка покраснела, потом побелела и, опустив руки, растерянно смотрела на клавиатуру большими испуганными глазами. Зоя Семеновна суежилась рядом, пытаясь где-то что-то нажать, потрясти, постучать, потереть. Машина не джин и на все поглаживания, стуки и встряски отвечала только недовольным: «Чмяк!»

Нимб над головой Зои Семеновны таял на глазах.

– Говорил же я! Про стипендию считать нужно было, – бубнил Витька Новиков, но его никто не слушал.

– Василий Павлович! – сдалась, наконец, Зоя Семеновна – Где Василий Павлович?!

– Тут я – неведомо откуда появился здоровенный бородач.

– Василий Павлович у нас проблемы, – растерянно развела руки в стороны доцент, кандидат наук, будущий доктор Зоя Семеновна.

– Мячик – шепнул Андрею на ухо Бугор.

Мячик навис всем телом над бастующим электронно-вычислительным агрегатом, чем-то щелкнул, несмотря на тучную комплекцию, резво нагнулся, сунул, плюнул и к радости всех без исключения зрителей агрегат разродился треском печатной машинки.

– За техникой нужно лучше следить, – не понятно к кому обращаясь, назидательно произнесла Зоя Семеновна.

– Накормить собак и ничего руками не трогать..., – буркнул Василий и, не глядя по сторонам, степенно направился к выходу, – Техника в руках дикарей....

Повисла неприятная пауза. Паузу бесцеремонно нарушил староста группы Юрик Бугор, заискивающе спросив:

– Зоя Семеновна, а в том зале эСэМка стоит?

– В следующем машинном зале стоит электронно-вычислительная машина нового поколения ЕС– 1033. Разрядная сетка – 32 двойных разряда, производительность 200 тысяч операций в секунду, емкость ОЗУ 512 килобайт....

Нимб снова начал проявляться над ее головой....

В коридоре, в тени лестницы ведущей на второй этаж здания мечтательно курил недосягаемый Василий Кукиш. Подавленные величием вычислительного центра студенты первого курса с легким шепотом скользили мимо, искоса бросая на гиганта восхищенные взгляды. Андрей и Юрик шли последними.

Вдруг неведомая сила схватила Андрея под руки и бросила в полумрак лестницы. Туда где стояла и курила живая легенда.

– Дядь! – Неожиданно для себя срывающимся на подростковый бас голосом протрубил Андрей, – А можно мне...тут... прийти... на машинке посчитать,...как ни будь?

– Не можно! – спокойно и уверенно ответил Василий. Затянулся сигаретой. Выпустил дым, – Мой юный друг! Если Вы хотите что бы Вас уважали, Вы должны уметь в этой жизни делать то, что собираетесь делать. Иначе просто не стоит тратить своего времени. А для этого нужно учиться.

Мячик снова затянулся сигаретой, кольца дыма плавно полетели вверх. Василий улыбнулся и уже по-простому, по-доброму, как равный равному сказал:

– Если интересуешься, если не терпится,... зайди, ко мне на досуге. Для начала дам кое-какую литературу почитать.

– Здорово! Спасибо! Обязательно приду! – Наполняясь радостью точно шар гелием громко, что бы все услышали, воскликнул Андрей. Сорвался с места и стрелой понесся договаривать товарищей.

Подбежав к ребятам и увидев их глаза, юноша в первый раз пожалел о том, что в их группе учится всего две девчонки. Да и те – девчонки только по паспорту. Во взглядах сокурсников он уловил восхищение и зависть.

Прощаясь балагур Витька Новиков хлопнул Андрея по плечу и продекламировал, коверкая Маяковского:

Да будь он хоть негром преклонных годов,
И то, без тычков и херачек,
Фортран, он бы выучил только за то,
Что с ним разговаривал Мячик!

«Рэксик»

Сашка проснулась от обилия запахов. Было много-много всего и все такое разное! Пахло зеленкой, которую она накануне щедро пролила на маленький коврик у кровати. Из кухни степенно приплывал запах жареной колбасы и яичницы. Только Сашке «кукарекать» сегодня не придется. Яичницы ей не дадут. Она – болеет. У Сашки – диета. Впрочем, не важно! Сашка все равно стащит кусочек колбаски.

А что сейчас важно? Запахи! Запахи! Запахи! Ещё целый букет неизвестных, а от того чарующих и настораживающих запахов будит воображение. Обычно проснувшись, Сашка любила поваляться, понежиться в теплой мягкой постельке. Но любопытство – великая вещь.

Живо вскочив с кровати, она, шлепая по полу голыми пятками, выбежала из своей малогабаритной комнатки в прихожую.

– Ой! Цветочки!

Прижавшись лицом к огромному букету, девочка с удовольствием вдохнула пьянящий, чуть терпкий аромат. Её распущенные волосы светлым дождем упали на цветы, на вазу, на маленький журнальный столик:

– Мама! Мама! Мы едем в деревню?!

– Тихо! Маленький звонок. Вовку разбудишь, – выглянув из кухни, прошептал отец.

– Пап! Я уже большая! – Понизив голос, скривила ему рожицу Сашка.

– Умывайся. Одевайся. Мелочь пузатая. Иди, завтракай.... Да! Одевайся проще. Как ни будь так... в спортивном стиле. Будем с тобой быкам хвосты крутить.

– Ух, ты!

– Тссс.

Пока Сашка плескалась в ванной, на кухне между родителями разгорелись жаркие дебаты.

– Коля! Она же девочка! А ты её воспитываешь как мальчишку. На футбол с собой таскаешь...

– Катя ну что в этом плохого? Ребенок на свежем воздухе.... И потом, ты сама ведь сказала, чтобы я больше внимания дочери уделял...

– Да! Но я совсем не предполагала, что после такого с позволения сказать «внимания», наша дочь будет орать на всю квартиру как пьяный сапожник: «Судья! Дуди! Люди ссать хотят!» Коля, и это было самое безобидное...

– Катя! Ребенок познает мир таким, каков он есть на самом деле. Так пусть уж лучше узнает его под контролем отца....

– Хорошо! Скажи, а что ты подарил ей на день рождения? Что?

– Подарок подарил.

– Коля не юли. Посмотри мне в глаза. Ответь мне, зачем двенадцатилетней девочке модель боевого танка?!

– Мы с ней его склеили. Теперь ребенок на примерах будет изучать историю, технику своей страны ...

– Ой! Замолчи! Знаю я вас клеильщиков, были Вы у нас! Вон обломки по всему дому валяются. Я то и дело на них наступаю. Все ноги исколола. Да и малыш может проглотить случайно. А эти спортивные одежды?! А быкам хвосты крутить?! Нет! Всё! Она Девочка! Коля! И одевать и воспитывать её нужно как ДЕВОЧКУ!...

Лесопилка продолжалась бы ещё долго. Спас Николая звонок во входную дверь.

– Здравствуйте мама! – обрадовался появлению тещи Николай. Бывает же такое!

– Здравствуй зятек!

– Бабушка! Мы едем в деревню! – повисла на шее у тещи довольная Сашка.

– Съезди миленькая. Чего ж не съездить. Повидай вторую бабушку. Давно ты у нее не гостила. Как? Вы ещё не собрались? – Последняя фраза предназначалась зятю.

– Тише мама! Не шумите. Вовку разбудите, – парировал Коля тоже отнюдь не шепотом.

– А чего теперь? Шуми, не шуми. Сиделка пришла. Вы к ночи вернетесь или заночуете?

– Не зна... – с кухни прокричала занятая сборами дочь

– Вернемся – буркнул Коля.

– Где мой «Золотенной»? Пора просыпаться. – бабушка погладила по кудрявой головке Одуванчикова – младшего. – Будем воевать с тобой... вдвоем...

Давненько семья Одуванчиковых не навевдалась в родные пенаты главы. Деревня, где благополучно родился и здравствовал вплоть до призыва в армию Николай Петрович, располагалась в соседнем районе. Ехать туда на общественном транспорте: далеко и неудобно, а потому отпочковавшееся семейство редко навещало родственников отца и мужа. Каждое посещение для них было событием. Сегодня для поездки нашелся серьезный повод. Даже два.

Младшая сестра Николая Петровича – Аня, наконец, сподобилась выйти замуж, и по этому поводу на текущие выходные были назначены смотрины. Сватовство если вам будет угодно. Но главная! Главная причина поездки крылась совсем в другом. Недавно у Николая Петровича случилось одно из самых замечательных событий в жизни. Семья Одуванчиковых наконец таки приобрела в личную собственность новенький автомобиль! Враги! Враги распространяют слухи о несостоятельности отечественного автопрома. Нет господа враги! Жив курилка! Подошла! Подошла, таки, очередь и трех лет не прошло. Смотрите! Завидуйте! Вон она новенькая зеленая «копейка» блестит свежей краской под окнами.

При таком раскладе пропустить сватовство собственной любимой сестры, золовки, тетки было бы просто преступлением. Не бесчувственные ведь они люди. Родственные связи, родные места, ностальгия. Опять таки – мир посмотреть. Да и себя на новой машине показать тоже хочется.

«Малого» брать не стали. На попечение тещи оставили. Дорога не сахар. Устанет, закапризничает. Да и мероприятие намечается серьезное. Не детского ума это дело тетку замуж выдавать...

Пока ехали по трассе, мать и дочь задыхались от тошнотворных испарений перегретого асфальта. Николай молча терпел и даже говорил, что ему нравится. Врал, поди.

Зато деревня отблагодарила Одуванчиковых прелестями просторов и глубиной запахов.

– Надо же черти! Дорог нормальных у себя построить не могут, – ругал местные власти «матерый» автолюбитель Николай. Будто бы и не он собственной персоной прожил в здешних местах, хаживал по здешним убогим дорогам восемнадцать счастливых лет своей жизни.

– Эх! Темнота россейская!

На въезде, у оврага, там, где старый деревянный мосток со сломанными перилами сердце все-таки дрогнуло. Эх! «Вот моя деревня!»

Как ни странно на шум клаксона никто из «родового поместья» Одуванчиковых встречать дорогих гостей не вышел. Стайка деревенских ребятишек не в счет. Пока Николай несчетное количество раз закрывал, открывал и снова закрывал дверцы машины, обходил её справа и слева, женская половина, подхватив сумки, устремила к дому.

– Коля! Букет не забудь!

Неожиданно, у самого крыльца, дорогу им преградило странное, лохматое «чудище-юдище».

Гремя «якорной» цепью животное лениво выползло из установленной поодаль от входа собачьей конуры. словно нехотя окинуло взглядом посетителей, медленно проследовало к ступенькам крыльца. Там оно задержалось на мгновение, словно решая сложную задачу уйти или остаться. Вильнуло хвостом. Почесалось. Сделало поворот вокруг своей оси, наматывая на хвост звенья цепи, и устало плюхнулось в пыли перед входом.

– Собачка! – Радостно констатировала факт Сашка
«Нечто» ударило хвостом в знак согласия.

Действительно. Присмотревшись внимательно можно было уловить некоторое сходство «чудища-юдища» с верным спутником человечества – собакой. Мохнатое, кудрявое как у болонки грязно серое туловище венчала вислоухая утыканная репейником голова с козлиной, светло-рыжей бородкой. Длинные лапы стройности животному не придавали, а как бы наоборот, косили и выгибались в разные стороны, отчего казалось что оно, в смысле животное, застыло в диком танце. Однако за счет длины лап зверь значительно выигрывал в росте у своих сородичей по «дворянской» породе. А потому выглядел довольно устрашающе. Ростом был с хорошую овчарку.

Венцом же данного творения природы можно было считать включенный, волосатый, длинный хвост, который у кончика перегибался колечком.

– Ой! Не подходи ради бога! Не трогай её. – Испуганно приказала мать, – Родственники! Есть кто в доме?!

– Уааа –сь! – зевнула собачка словно сообщая приезжим что в доме конечно же кто-то есть и этот кто-то перед ними.

– Мама! Собачка хорошая, добрая...

– Королева моя приехала! А выросла то как! – это появилась на крыльце бабушка – Пошел вон отсюда! Брысь! – прикрикнула она на лохматого барбоса, поддав ему для скорости пинка резиновым ботом.

– Бабушка не бей собачку. Бабушка, а как её зовут?

– Давненько вы у нас не были. Гости дорогие. А внучка то! Красавицей стала! Прям королева! Здравствуй Катя.

– Здравствуйте мама, – как показалось, немного сухо ответила свекрови Екатерина, проходя с сумками на терраску.

– Бабушка как её зовут? – трясла за подол грозную старушку неугомонная Сашка.

– Кого доченька? – занятая своими заботами уже гремела бидонами хозяйка.

– Бабушка! Я не доченька! Я внученька!

– Пса себе нового завели? – включился в тему Николай.

– Здравствуй сынок. Здравствуй редкий гостек.

– Бабушка ну как его зовут?

– Кого? Ах, этого. Лохматого. Рэксик доченька. Рэксиком его кличем.

– Хм! Чудной пес! – хохотнул Николай.

– Да дети подобрали. У! Злыдень! – погрозила Рэксикку старушка. Пес её понял правильно, послушно юркнув в будку.

– Тут того месяца кум зашел за мясорубкой. Дала я ему мясорубку. Он положил её на крыльцо. Покалякали немного. А этот злодей лежал себе в углу, будто ему ничего и не надо. Только глазом косит. Ну, кум прощаться стал мясорубку взял да к калитке. Три шага ступить не успел, эта сволочь прыг ему в след и за голень как тяпнет. Кум больше месяца на ногу наступить не может. Орет на меня благим матом. А этот.... У леший! В расход отправлю. С тех пор его вот только на цепи и держим.

– О! Бу! Бу! Бу! О! – зашумело, закружило. Родственники высыпали на терраску толпой.

– Какая ты у нас красивая девочка, – тискали Сашку тетки Анна и Дарья. – Какой шикарный бант в горошек! А платье то! Платье! Настоящая царевна Будур!

– Дай на свадьбу платье поносить!

– Если каждому давать, поломается кровать, – съезжилась в ответ смущенная Сашка.

– Саша! Милая! Что ты такое говоришь!? – испуганно переглянулись тетки – Катя! Катя! Ты послушай, что говорит твой ребенок!

Вот только выяснить до конца кто, что и по какому поводу сказал, так и не удалось. Суета. Не до этого сегодня. Не до Сашки им сейчас. Вон и мать её активно включилась во всеобщий психоз подготовки церемонии.

А в принципе! Что такого Сашка сказала?! У них в школе все девочки и мальчики так говорят. Да и справедливо это. Сами подумайте. Если каждого пускать спать на свою кровать, она ж сломается быстро.

Вот и пример наглядный. Тетя Аня в спешке сломала гребень тети Даши. А с улицы уже кричат:

– Сваты идут! Сваты!

Сашку чуть было, ни затоптали. Родственники называется! Бедного ребенка в угол оттерли, и посмотреть не дают! Здоровые все лбы, а ведут себя – ну, точно дети! Впрочем, Сашке тоже интересно. Правда, сваты её по началу немного разочаровали. Она ожидала увидеть молодцов в красивых расшитых деревенских рубахах, с заливчатскими чубами да с розочками над козырьками лихо сдвинутых набок картузов. А пришел, плюгавенький дедок в мешковатом пиджачке. Галстук мятый. Селедочкой. Да тетка толстая с ним в цветастом платье. И все улыбается. Глупая какая-то! Да и жених хорош. Как папа говорит: «мелочь пузатая».

Потом Сашка испугалась. А вдруг эти сваты совсем не затем пришли. Вдруг они просто мимо проходили. Потому как разговор завели довольно странный и абсолютно далекий от темы посещения. Про погоду да, про урожай. А потом так и вообще начали нести глупости всякие: «У Вас товар, у нас купец...».

Когда Сашка поняла, что под товаром подразумевается её родная тетя Аня, то испугалась ещё больше: «А вдруг товар не понравится!?!...»

Но кончилось все хорошо. Дело сладилось. На радостях взрослые с ещё большим нетерпением устремились за предусмотрительно накрытые столы. Бабушка и Сашку сажала, да только мать не пустила.

– Мама! Нечего ей за взрослым столом делать. Они у меня дома поели всего два часа назад. Да и нельзя ей есть все подряд. Диета у нее. Я её потом отдельно покормлю. Иди доченька. Иди с Мишей на велосипеде покатайся или с маленькой Аней в куклы поиграй.

Мишка и Аня – Сашкины двоюродные. Дети тети Даши. Легко сказать поиграй! Мишка вон сел на велосипед и укатил. Иди его догони. А маленькая Аня – совсем маленькая и к тому же глупая. Ей ещё и четырех годиков не исполнилось. Во что с такой играть? Сашка попыталась уговорить сестренку: в дочки – матери. Да куда там. Она только песком обсыпается да плюется. А у Сашки новое нарядное платье. Загрустила Сашка, бродит как неприкаянная по двору. И вдруг! Чу! Звон цепей. А из конуры два глаза точно бусины. И взгляд такой грустный!

– Рэксик! Собачка моя! Какой же ты хорошенький и... несчастный! Что милый мой? Плохо тебе?...

А за столом.... За столом – все хорошо. Все по-русски. Текут ручейки разговоров, да льётся рекой самогон. Будущие молодые сидят под образами, потупив взоры. Невеста раскраснелась как роза. Жених нервно вилоккой ковыряет грибочек. Волнуется. Да только никому до них уже нет дела. Весь стол разбит на клубы по интересам. Тут у каждого «своя свадьба». Впрочем, давно уже не пили. От предыдущего тоста счет времени уж на минуты пошел. Не порядок.

«Митрич! Речь скажи!».

Да что там много говорить. «Вздогнем!».

«Было Митрич! Было!»

«Тогда?! Чтоб хотелось и могло!»

«Было Митрич! Тоже было!»

«Так, за здоровье не грех и по второй выпить!»

«Здоровья! Совет да любовь! Ура!»

И вот уж кто-то затянул – «Горько!». Да только зашикали на беднягу с разных сторон: «Цыц! Не время ещё! Чай, не свадьба, а смотрины!»

«А когда время?»

«Да вот после пятой...бутыли! Глядишь – и время подойдет!»

Николай – страдал. Выпить то нельзя. За рулем как никак. Он и так повернется, и эдак. Салат не вкусный, соленые грибы – горчат. Терпел, терпел, а потом точно прорвало.

– Нет! Так жить нельзя! Завтра поедем! Баста!

И понеслась печаль по кочкам. Да так растрясло ее, что и следа не осталось. Долго ли умеючи!? Всех догнал в одно мгновение, а женскую половину компании так и перегнал почти всю.

И пошли рекой разговоры. Все больше про страду, да про сенокос. Но и про завод, про Монголию. Эх! Хорошо! Хорошо пошло! Про политику пошептались. Что в мире деется! Вон генеральные секи мрут как мухи. Митрич – он мужик с головой! С таким и выпить и покалякать приятно.

– В хорошую семью тебя отдаем Анька! В хорошие руки!... Я сказал! Баста! Береги её брат! – покатила предательски скупая мужская слеза по щеке.

– Да все будет в порядке! Вот только председатель жулик. Колхозным тесом личный сарай покрыл...

– Знаем! Знаем!

– А мы ему сейчас морду набьем!

– Ой, разошлись! Завтра! Завтра морды будете бить!

– Кто ж по трезвому морды бьёт?! Не по-людски это. Не по-русски

– Сегодня грех! Праздник!

– Ах, вона как?! Ну, хорошо! Тогда завтра.

– Ой! Как же хорошо то!

Жалко только что все хорошее рано или поздно кончается.

– Как? Да только ж сели? Ой! А, правда! На улице вечереет.

Объятия, сопливые поцелуи, слезные признания в любви. И тут в голове у Николая точно прострелило.

– Машина – на месте. Катя! Катя! А где Саша? Где дочка наша?

И, правда. А где Саша?

– Да тут была. Во дворе!

– Давно ты её видела?

– А... и не помню.

– Дура! Сука! За ребенком смотреть надо!

– А сам то! Сам! Козёл! Зенки залил свои бычьи....

– Дура! Дети! Мишка ты не видел Сашу?

– Не...

– Дай свой велосипед. Давай скорее болван! – Николай разбушевался.

– Так он же детский.

– Давай сюда!

Народ заволновался. Николай вскочил на Мишкин «школьник» и точно волк из мультфильма «Ну погоди!» расставив в стороны длинные коленки, комично вращая педальки, рванул сначала в одну сторону, вдоль по улице, потом в другую. Сестры во главе с женихом побежали к деревенскому озеру. Жених все порывался «заскочить» домой за ластами, чем довел Катю до истерики.

– Да куда она из деревни денется? Здесь – ни то, что у Вас в городе! Здесь все свои. Люди хорошие. Ребенка не обидят. Если только заезжий кто?! – успокаивала испуганную невестку свекровь.

– Я ей задам, – в гневе металась Катя. – Только путь домой вернется! Я её так отлуплю!

Вернулся Николай, таща на плече сломанный велик. Безрезультатно. Вернулись сестры. Нет успеха. Не сдавалась только ребяшня во главе с обиженным Мишкой. Темнело. Родственники собрались у крыльца, чтобы обсудить диспозицию. Николай был зол и напуган. Катя вся в слезах. Да тут ещё Митрич подлил масла в огонь:

– А собаки то, тоже нет! Может она девочку...того! Съела!? У вас собачка сурьёзная. Могла ведь ребенка того...этого... сожрать.

Обезумевший Николай кинулся к будке. Разыскивать останки. Впопыхах перевернул её прямо на себя и принялся трясти. Оттуда на него ворохом посыпался всякий мусор: солома, палочки, косточки. Человеческих останков не было.

– Едрить твою мать! С потрохами сожрал! – Закудаhtал Митрич

– Ой!

– Да вон же она!

– Где!? Где?!

– Где!?

Калитка скрипнула и в образовавшуюся щель просунулась лохматая морда. Пес осмотрел присутствующих лукавым взглядом и радостно поприветствовал звонким:

– Гав

Родственники замерли. Рэксик постояв мгновение в нерешительности, двинулся навстречу честной компании, звеня, точно узник на галерах, «якорной» цепью. Словно буксир он втащил вслед за собой довольную, улыбающуюся Сашку. Сашка была жива и здорова, и даже ни отъедена, ни с одного бока. Правда, платье её выглядело совсем не так презентабельно как утром. Бурые пятна грязи прилипли к нему тут и там. Кружева на рукаве порваны. Ленты расплелись, беспорядочно болтались и путались обрывками боевого вымпела. На руке у локтя синяк. Новые сандалии измазаны толи ряской толи болотной тиной.

– Доченька... – охнула Катя

– Мамоchка мы тут с Рэксиком погуляли немножко

– Доченька! Миленькая моя. Нашлась! – Бросилась обнимать удивленную Сашку Катя.

– Мамоchка я и не терялась. Рэксик так скучал.... Плакал. Мамоchка давай возьмем его к себе. Ему тут плохо. Он мне сам сказал....

– Платьице вот порвала – причитала мать.

– Это мы с ним за кошкой по кустам гонялись. Он сильный такой, а я его все равно за цепь удержала. Чтобы не убежал и не потерялся.

– Ребенка покормить нужно, – хмуро, но миролюбиво посоветовал жене Николай. Подошел к Сашке и стал аккуратно отчищать грязь с ее платья

– А чего ж только ребенка то? – удивилась бабушка, – А ну-ка гости дорогие! Прошу всех за стол.

– Мама, а у нас, по-моему, ничего не осталось... – испуганно зашептала тетя Аня, делая характерный, понятный каждому русскому человеку щелчок пальцами по горлу.

– Щас сбегает! услужливо предложил Митрич. – Так сказать за счастливое избавление ребенка из лапов злодея. У! Лохматая кобелина! Гляди как зенками зыркает.

– Осталось! Осталось! Гости дорогие! Прошу к столу!

Член в кандидаты и менты на КраЗах

Бугра – вспучило. Слава богу, не физически, а только морально. Бугор захотел в партию. – Андрюха! Ты комсорг группы? Комсорг! Реши, пожалуйста, этот вопрос, – заискивающе потрепал он друга по плечу.

Кому другому, Андрей без стеснения ответил бы: «Да пошел ты...!». Бугру нельзя. Он партию – заслужил. Так «гнуться» как Юрик не мог никто. Хотя, в сущности, Юрик парень не плохой. Свойский. Несмотря на то, что староста группы.

Дело свое Юрик знал туго. Крестики в журнал посещения занятий ставил исправно. Мало того, ставил их умно, не допуская излишней жалости, но в тоже время, никогда не переводя ситуацию в категорию перерасхода.

«Кого сегодня нет? Вити Новика? У Вити много пропусков в этом семестре! Пожалуй, поставим ему плюстик. А вот Гординой – минус».

«Юрик! Ты что?! Вон же она сидит! Отличница наша хренова! С синим носом».

«Вижу! Ничего! Пусть пострадает во благо обществу!»

Может именно поэтому, не смотря на всю «гнутость» бугровской природы, студенты старосту группы уважали. Юрик был толстым, добрым и каким-то до безобразия домашним.

– Пора Андрюха! Пора! Чувствую, созрел я для партии.

– Хорошо! Ты, в какую желаешь? В «КП»? Или в «СС»?

– В обе! Ых!Ых! – захрюкал от удовольствия Бугор.

– Чего ржете? – заинтересовался скучающий Сашка Черкасов.

– Да вот! «Наитолстейшего» пучит. В партию потянуло.

– А! Всё шутите?!

– Ага.

Только Бугра всколыхнуло всерьез. Как этот так?! Раз весь советский народ строит светлое будущее, он должен проникнуть в это самое будущее в первых рядах. Пристал к Андрею как банный лист: «Узнай да узнай!». Пиявка.

Пришлось идти разыскивать секретаря институтского комитета комсомола Глаголева. Если честно, Андрей в последнее время посещал располагавшееся на первом этаже главного корпуса помещение комитета комсомола с радостью и трепетом. И связано это было отнюдь не с общественной нагрузкой возложенной на него. Также мне интересное занятие – собирать членские взносы каждый месяц. Нет! У Андрея там был амурный интерес. И звался он прекрасным именем Инна. Член комитета комсомола Инна училась на выпускном курсе, была стройна, черноволоса и прекрасна как богиня. Её алые губки, её бархатный голос, высокая грудь.... А бедра!? Обтянутые синими джинсами бедра....

В общем – Инна очень нравилась Андрею. «Мой идеал» – ночами вздыхал он, воображая себя рядом с любимой в роли крутого супермена.

Смазливую мордашку нового секретаря комитета комсомола Петра Глаголева Андрей заметил издали. Секретарь руководил губастым первокурсником, вещающим длинную простынь стенгазеты на деревянной стене гардероба. Глаголев как обычно суетился и, естественно, как обычно, был занят. Впрочем, нет. Занят он сегодня был больше обычного. Отойдет. Посмотрит критически! Глаз сощурит, а ля дедушка Ленин. Губу подожмет. Обычное проявление занятости ограничивалось прищуренным глазом....

Андрей терпеливо ждал в сторонке.

– А! Привет Сергей! Как дела на комсомольском фронте? – наконец то заметил его Глаголев.

– Нормально. Андрей я.

– Извини. Взносы за прошлый месяц сдал?

– Угу.

«Так чего же тебе ещё надо?!» – красноречиво возопил взгляд секретаря.

Андрей как мог, сбиваясь и путаясь, объяснил проблему. «Хочет, мол, мой Бугор чуда и все тут!»

– Это ваш староста?! Юра Титов? Знаю его. Как же. Достойный член... в кандидаты в члены... Вернее... кандидат в кандидаты в члены... Тьфу! Запутал ты меня совсем! В общем, сам знаешь кто.

– Кто?

– Прежде чем принять нового товарища, так сказать, в ряды... сначала нужно год в кандидатах отбарабанить. Ферштэйн? Товарищ должен проявить себя. Показать свою политическую и моральную зрелость... Вот, как я, например...

– Мы в курсе.

– Лады комсорг. Пусть твой староста собирает документы. Характеристику, две рекомендации от членов партии... Постой! Он у вас после армии? Верно? В смысле – армию отслужил?

– Не... – удивился Андрей

– Да?! Значит прямо со школьной скамьи? Странно! А казался таким взрослым. Серьезным... Знаешь, Сергей... – понизив голос, стал откручивать ему пуговицу на пиджаке секретарь.

– Андрей

– Не важно! Понимаешь? Есть одно маленькое препятствие. Будет время, зайди ко мне... Например, завтра. Потолкуем – что ни будь, придумаем.

– А если сегодня, только попозже?

– Юрий Титов! – с пафосом произнес секретарь. – Надо же? А на первый взгляд звучит как красиво! Как у космонавта. До завтра. Лады Серега?

– Герман.

– Что Герман?

– А взгляд звучать – не может.

– Звучит! Еще как звучит! Ты плакат «Родина мать...» помнишь? То-то! И потом! Почему ты меня постоянно путаешь?

– Космонавта зовут Герман Титов.

– Сам знаю... Не важно это!

– Выше, чуть выше. Теперь вниз. Уже лучше! – Это секретарь командует губастым первокурсником. С жаром и крайней озабоченностью. Так чтобы Андрей понял, что аудиенция окончена.

Тоже мне! Строит из себя первопечатника Ивана Федорова. Кому нужна его стенгазета с лозунгами?

На лекции Андрей шепотом изложил Юрику детали разговора с секретарем комсомольской организации. Бугор позеленел. Закатил к небу глаза, зашептал какой то бред себе под нос.

– Юрик! Ты опух?

– Не мешай. Думаю я! Прикидываю! Какое такое маленькое препятствие? Родственников вроде за границей у нас в семье ни у кого нет. Дед в полициях не был. Национальность – в порядке... Слушай! Андрюха! Может я, ляпнул чего лишнего!? Точно! Тут как-то летом на футболе кричал, что только в нашей дурацкой стране может быть такое убогое судейство. Ай! Ай! Что же я наделал то!?

– Расстреляют! Обязательно расстреляют, – округлил до невероятных размеров глаза сидевший рядом с товарищами Витька Новиков.

– Оуо! – вой смертельно раненного Бугра.

– Что такое молодой человек? – удивился преподаватель. – Вам что-то непонятно?

– Понятно Петр Михайлович! Все понятно! – испуганно закивал головой Юрик.

Веселье в студенческой аудитории резко сменилось удивлением. Дело в том, что Петр Михайлович вел специфичный для данного вуза, а тем более для специальности вычтехов предмет: «теоретическую механику».

Ладно бы читал он его на первом курсе, пока студент ещё слаб, напуган и не въехал до конца, в общей массе своей, в специфику будущей профессии! Со скрипом с данным предметом можно примириться на курсе втором. Но вот на третьем! Да ещё с элементами сопромата. Кому он нужен «этот Васька»? Электронщику или программисту – уж точно ни к чему. Народ роптал, забивал и косил.

Термех – наука «суровая»! Её без ста граммов понять мудрено. Тем более если она с элементами сопромата. Не верите? Спросите у механиков.

Безусловно, и то, что отсутствие у студентов энтузиазма в значительной степени определялось личностью преподавателя: «великого и ужасного» Петра Михайловича.

Представьте себе чудо, ростом полтора метра вместе с кепкой. Во все лицо старый, но довольно заметный шрам, значительно приподнимающий один угол рта кверху. Как следствие, мало того, что лицо смахивает на маску арлекина, так ещё и дефекты дикции. Левая рука неестественно согнута в локтевом суставе и вывернута кистью вперед. Правая же – зеркально симметрична левой. То есть, вывернута кистью назад, словно в танце маленьких утят. Мел Петр Михалыч мужественно пытается держать в левой руке, что не всегда удается без посторонней помощи, а уж о том, что бы внятно писать на доске и речи быть не может.

Правой рукой – и того хуже. Станьте спиной к доске, выверните кисть на изнанку и попробуйте сами. Может, поймете.

Наверное, именно поэтому стиль письма у Петра Михайловича своеобразный. Под углом. Начинает он свои каракули из левого верхнего угла доски и постепенно смещается к правому нижнему. Затем востребованным становится правый верхний угол, из которого тексты формул змеей переползают в левый нижний. Далее ищется любое свободное от писанины пространство, и формулы снова убого ползут вкривь и вкось, теперь уж куда бог на душу положит. При этом с доски Петр Михайлович, как правило, ничего не стирает, разве только рукавами своего пиджака. В результате, каракули, наползая друг на друга, создают на доске такую мешанину и путаницу, в которой не всегда способен разобраться и сам автор сего безобразия. Что уж говорить о бедных «смертных» студентах! Только нервные смешки да радостный шепот...

А как скажет Петр Михайлович свое любимое: – «Видитя!?», в смысле «Видите!?», так половина аудитории в конвульсиях сразу падает под столы. Ну а поскольку, любил, ох любил он повторять это магическое слово, то некоторые особо смешливые граждане большую часть лекции там и проводили. Под столами.

Поговаривали, что в юности, стесняясь ущербного роста своего, Петр Михайлович грезил о небе. Все мечтал самолет с реактивным двигателем изобрести. А что? Одна бочка начиненная порохом – двигатель, вторая, привязанная к первой конскими вожжами – кабина пилота. Реально? Более чем! Особенно если детство твое пришлось на суровые послевоенные годы. «Молодость моя – Белоруссия» А там, в эти самые суровые послевоенные, бесхозного боезапаса хватало.

В общем, опять таки по слухам: «Один маленький, но очень гордый питичка...».

Все, все молчу. Грешно смеяться. Жалко конечно человека. Только студентам от этого не легче. А потому студенты и Петр Михайлович старались сосуществовать по принципу: «Нас не трогай – мы не тронем!»

Петр Михайлович стойко бубнил свое: «Дубиль ве осявое. Дубиль ве нулявое». Студенты на его лекциях занимались делами личного характера.

Люди спят. В быков и коров играют. Обсуждают новости футбола. Препод. бубнит. Все в порядке, все довольны. И тут на тебе! Юрика прорвало. Да мало того! Он ещё смеет заяв-

лять, что ему в этой белиберде все понятно. А вдруг преподаватель подумает, что и правда все понятно?! Да спросит на экзамене по полной программе?! А?

– У! Ты! Цыц! А то ни посмотрим что «бугор»....

Тихо. Тихо. Юрик и сам осознал глубины глубин. Голову склонил. Не видите разве? Человек не в своей тарелке! Горе у него!

Шепот потихоньку стих. Петр Михайлович успокоился. Знай, талдычит: «Дубиль ве осявое.» да: «Дубиль ве нулявое». Благодать.

– Занумяруем эту формулу. Семь точка девять.

– Ха! Петр Михалыч. Петр Михалыч! Семь точка девять уже было! – Это опять Бугра прорвало. Ну, нейдется человеку! Натура такая!

– Было? Тогда девять семь, – не смущаясь, поправился Петр Михайлович и опять затахтел о своем: таинственном и недоступном.

– Фу! – в очередной раз перевели дух студенты, – Вроде опять пронесло!

И снова все тихо и мирно. Стук мела о доску, легкий шорох и осторожный ненавязчивый шепот, переходящий в отдельные вспышки похрапывания.

– Андрей! – неожиданно с жаром прижал губы к уху товарища Бугор. Андрей испугался.

– Что?!

– Он так и сказал: «Придумаем?!»

– Кто?

– Да секретарь.

– Так и сказал.

– Тогда пойдем до куратора дойдем: попросим для меня рекомендацию.

– Сейчас что ли?

– Нет после занятий.

– Ой! Юрик! Сходи сам.

– А ещё друг называется! – Надул губы Бугор, отодвигаясь в сторону.

– Ох! Схожу я с тобой. Схожу! Ты только не обижайся. Лады? – прошептал Андрей и подумал «Тьфу, черт! Приклеилось это дурацкое, глаголевское: «Лады»».

Однако выполнить намеченное дело в тот вечер ребятам не удалось. На кафедре, секретарь им объяснила, что куратор их группы Семенов ушел и будет только завтра, да и то, возможно, лишь до обеда.

– Придется прогулять первую пару. Что у нас там? О! Физкультура. Это хорошо. Встречаемся в восемь на кафедре, – не приемлющим возражений тоном произнес Бугор

– Вот ещё! Я прогуливать физру не собираюсь, – заупрямился Андрей.

– Друг называется! – Снова обиделся Юрик, – Я вот ради тебя готов и в соус и в уксус. А ты?! Эх ты!

– Ну, извини! – сделав невинное лицо, вздохнул Андрей. Бугор смягчился.

– Андрюша! Зачем тебе физкультура? Ты у нас, вон какой крепкий. Каратист. Андрюша! Ну, пожалуйста! Пойдем со мной. Я один боюсь. Честное кандидатское слово боюсь! Пожалуйста!

– Лады!

Виталий Анатольевич Семенов являл собой классический пример литературного образа ученого в самой гротесковой форме его проявления. Вечно включенные волосы, пронзающий время и пространство, отрешенный от будничной суеты взгляд, обкапанная жирным соусом в самых интересных местах рубашка, мятый пиджак, в складку брюки, постоянно нарушающие закон сохранения материи и энергии очки.

В мозгу Виталия Анатольевича непрестанно кипели бурные электрохимические процессы, подвигавшие сего почтенного индивида на решение бесконечных теоретических задач,

вплоть до сложных математических вычислений, часто заканчивающихся мысленным построением объемных графиков, схем и диаграмм.

При этом было не так уж важно, к какой области бытия относилась задача, важно было получить посыл, сформулировать её исходные данные, ну а далее мощным фронтом, во всю разворачивался процесс алгоритмизации.

Виталию Анатольевичу остановиться б хоть на секунду, отдохнуть, ни о чем не думать, не решать задач. Да полно те! Это все равно, что не дышать. Сама мысль о том, что можно жить и не мыслить тут же наводила его на новые мысли...

По большому счету ничего страшного в этом не было, если б не фанатизм, с которым наш герой отдавался своему любимому занятию. В эти сладкие минуты «запоя» никто и ни что не способно было свернуть его с пути.

Итогом интенсивных мыслительных процессов, как правило, являлась жуткая, просто беспредельная рассеянность, что создавало для окружающих, и, прежде всего, для самого преподавателя массу проблем, и, как следствие, поводов для новых бесконечных мыслей и бессонных ночей.

Вот и теперь Виталий Анатольевич существовал! В смысле мылил:

«...Оптимизация на логическом уровне представляет в нашем случае достаточно простую задачу. На этом этапе я просто минимизирую число операторов. Жаль только, проблема осложняется тем, что ещё не до конца выработаны соответствующие критерии оптимизации...»

Да! Проблема была не рядовой, но мыслитель ни секунды не сомневался, что с ней так или иначе удастся справиться. Правда, последние три четверти вечности его постоянно отвлекал от любимого занятия какой-то странный настойчивый шорох. Назойливое покряхтывание.

«Мышь что ли завелась?! Ортогональный полином ей в... голову!» – подумал Виталий Анатольевич, – «Интересно какова собственная частота электромагнитного поля мыши домашней? Нужно будет почитать...»

– Виталий Анатольевич! – точно корабль сквозь молоко тумана пробился в его натруженный мозг импульс, посланный слуховым аппаратом. – Виталий Анатольевич! К Вам ребята пришли.

Голос принадлежал секретарю кафедры, работавшей на ней, кажется, ещё со времен изобретения абаков.

Вера Андреевна слыла в коллективе женщиной строгой, и повторять одно и то же по три раза не любила. Пришлось отвлечься. Виталий Анатольевич усилием воли сфокусировал зрение. Прямо перед собой с другой стороны стола он увидел две смущенные, шаркающие ножками личности. На переднем плане мелькала довольная, светловолосая мордашка, а из-за нее, словно качаясь в волнах, периодически выныривала толстая раскормленная «будка».

– Павлов и Титов! – с трудом узнал комсорга и старосту своей подшефной группы куратор. Узнал и успокоился, снова готовясь нырнуть в океан размышлений.

– Что Вам ребята? – Спросил Виталий Анатольевич больше из вежливости.

– Витал.. толич, – растянулась улыбкой светловолосая мордашка Павлова, – Тут Вам Титов хочет, одну вещь сказать...

– У!... Ту!... Ты!... Бе! – заблеял Бугор, грозно окинув взглядом своего товарища, сооротив при этом на лице такую мину, которой позавидовал бы самый обиженный засранец в мире. В его взгляде явно читался немой укор: «Ты ведь мне обещал, что сам все скажешь!» Однако выхода не было. Пришлось Юрику брать инициативу в свои руки.

– Мне бы... Как бы... Написать бы....

Слово «написать» он произнес совершенно напрасно. Мозг Виталия Анатольевича высоковольтным разрядом поразила мысль: «Ешкин кот! Какой же я олух! Я ведь ещё вчера слезно

обещал доценту Вострикову передать рецензию на его работу! Ладно бы старый пень забыл написать. Ведь написал же! И не отдал. Где ж она у меня?»

– Мне бы... Как бы... Рекомендацию написать бы. Вот! – продолжал смущенно блеять Бугор, в то время как Семенов не обращая на него ни малейшего внимания, стал усиленно рыться сначала в бумагах на своем письменном столе, потом в портфеле, затем дело дошло и до мусорной корзины...

– Вот же она! – облегченно вздохнул рассеянный куратор.

– Так! Ребятки! Пожалуйста, подождите меня пару минут. Я забыл кое-что срочное сделать, – скороговоркой выпалил Виталий Анатольевич, и стремглав выбежал из помещения кафедры.

Семенов живо затрусил по коридору до лестничного марша. Поднялся на один этаж вверх и направился в сторону кафедры «Конструирование радиоаппаратуры» в надежде застать там страдающего от обиды доцента Вострикова или, по крайней мере, оставить для него два исписанных мелким подчерком листа бумаги с хвалебной рецензией на работу посвященную полупроводникам. Саму работу Семенов прочел через строчку, времени жаль, но рецензию состряпал положительную. Востриков был мужиком не плохим! Почти таким же умным как сам Семенов.

«А кстати!» – неожиданно пришла в голову Семенову грустная мысль – «Погрешность установки частоты при электронной перестройке канала у нас больше одного процента. Это многовато!»

Хлопнув ладонью себя по лбу, мыслитель вспомнил о том, что в лаборатории у Вострикова лежит почти готовый с горем пополам слепленный макет одного очень интересного приборчика, с помощью которого они совместно собирались немножко, из чисто спортивного интереса, заняться исследованиями спектральных составляющих в диапазоне звуковых и ультразвуковых частот. Мысль автоматически развилась в затронутом направлении, живенько обрисовывая в памяти схемы электронных составляющих прибора. Всё! На ближайшие сутки Семенов для общества умер, превратившись в сомнамбулу.

Дальнейший путь его пролегал мимо кафедры «Философии», размещавшейся в небольшой комнатке которую с одной стороны настойчиво подпирало помещение туалета женского, а с другой – мужского. Таковы уж были конструктивные особенности здания.

Это соседство давно являлось институтской притчей во языцах. Сотрудники с других кафедр по-доброму подшучивали над философами мол: «Там, им и место». На что мудрые философы, устав от борьбы за более престижное размещение своего святилища, с философским же спокойствием и рассудительностью отвечали: «С точки зрения материальных субстанций бытие есть для всего сущего суть, определяющая сознание...». Что означало «У кого что болит...!»

И это правильно! Хоть Семенову по большому счету на все это было наплевать. Он о таком странном соседстве кафедры чудаков, скорее всего и не знал, а если и знал – забыл давно. Виталий Анатольевич никогда не рассеивал внимания по мелочам. Правда...

Миновав двери мужского туалета, Семенов подсознательно почувствовал дискомфорт и сильные позывы. В воздухе просто витали специфические флюиды шепчущие, зовущие, манящие к исполнению обычных физиологических потребностей. Однако прежде чем Семенов окончательно осознал, чего хочет его брэнное тело, руководимые двигательными рефлексамии ноги успели сделать несколько широких шагов вперед и поднесли это самое тело к двери помещения, в котором как раз и располагалась упомянутая выше кафедра

Мыслитель, не замечая подвоха, уверенно распахнул злосчастную дверь, а далее ноги довершили свою работу все в том же автоматическом режиме.

На кафедре «Философии» в столь раннее время народу было немного. Сидели за столами только секретарь Ниночка да роющая носом навоз науки ассистент Матвеева: дама хрупкого

телосложения в сильных минусовых очках. Дама без возраста, но с огромным багажом комплексов.

«Господи! Как непосредственны, как наивны в своей идеалистической сущности Мах и Авенариус! А, Ницше? Бедный, больной, полуслепой Ницше! В своей несчастной любви! Насколько глубоко, противоречивы и в месте с тем чувственны его мысленные сентенции! «Идешь к женщине? Возьми с собой плетку!» Как это все... романтично!» – вздыхала растревоженная душа впечатлительной ассистентки Матвеевой.

«Господи! Где же мне колготки то приличные достать?» – сокрушалась, разглядывая сломанный в неравной борьбе со стиральной машиной «Ока» ноготь секретарша

И вот представьте себе их состояние, когда тишину и спокойствие пропитанной философским нафталином комнаты неожиданно грубо нарушает посторонний мужчина. Пусть даже и преподаватель одной из институтских кафедр.

Всклоченный, с горящим, устремленным в бесконечность взглядом беспардонный субъект кладет какие-то бумаги на край Ниночкиного стола, с отрешенным видом подходит вплотную к стоящей на соседнем столике пишущей машинке «Robotron», поворачивается к ней лицом и начинает нетерпеливо расстегивать ширинку брюк. При этом он закатывает к потолку глаза и шепчет себе под нос странные заклинания.

Секретарь, успевает открыть рот, готовясь задать дежурный вопрос по типу: «А собственно говоря, какого Вам надо...?». Но цепенеет в недобром предчувствии, хватая воздух, открытым от изумления ртом. Ниночка в шоке.

Очки ассистента Матвеевой, переваливаясь через голову, ползут от удивления на затылок.

Мужчина, а это естественно был никто иной, как обозначенный нами выше куратор Семенов, не обращая на женщин ни малейшего внимания, на мгновение замирает, держа правую руку «на пульсе»: в готовности у клапана брюк, при этом, начиная характерно пританцовывать, и вдруг вскинув вверх палец свободной левой руки, громко кричит: «О!». Помедлив мгновение, он так же неожиданно, осененный свыше гениальной идеей, убегает из комнаты прочь с просветлением на лице. Не беда что так и не удалось справиться с естественными надобностями. И совсем уж не страшно, что в спешке не удалось уделить должного внимания присутствующим при данном событии дамам. Главное – идея!

Несколько секунд в помещении кафедры стоит тишина, а потом раздается душераздирающий животный смех:

– Буггггааа!

Которому вторит робкое тоненькое подтягивание:

– Их! Их! Их!

А в мозгу у Виталия Анатольевича уже рождается великая субстанция. Он бежит по коридорам, по лестничным маршам и твердит, словно подстегивая себя: «Скорее! Скорее в лабораторный корпус!».

Вначале Семенов намеревался отправиться в «лабораторный» не заходя на кафедру, но вовремя одумался. На улице зима. Минус двадцать. Пальто, шапка и теплый шарф не мешают. Нужно беречь себя! Ради науки!

А на кафедре Виталия Анатольевича упрямо ждут два настойчивых просителя.

«Ах! Как не кстати!»

– Ребятки! Миленькие! Через пол часика?! Угу? – куратор торопливо накинул на плечи сначала шарф; как всегда мимо, потом пальто.

– Да что такое! Где же эти рукава?

– Виталь Анатолич! Виталь Анатолич! – заговорщицки шепчет Бугор, кивая и подмигивая.

– А? Что?

– Ширинка! – шипит точно сдувающийся воздушный шарик Юрик, при этом, смешно кривляясь и убирая глаза куда-то в пол, – Ширинку застегните.

– Ах?! Дорогие мои! Вы об этом?! А я то подумал... Шут с ней с ширинкой! Покойник в доме – двери не закрываются!

Сказал и улетел точно вихрь. Больше в тот день Семенова на кафедре никто не видел.

– Я в шоке! В шоке! Что-то со мной не так.

– Сальце! – потрепал Андрей складки жира на свисающем из-под ремня пузе товарища. Но тот даже не среагировал – Юр ты не заболел?

– Заболеешь тут. Один говорит: есть, мол, какие то таинственные причины, мешающие вступлению в партию, второй убегает от меня как ошпаренный стоит только попросить его о сущем пустяке: написать рекомендацию. Что-то тут не так! Я волнуюсь. Узнай у Глаголева... Только аккуратно. Как бы, между прочим.

– Товарищ! А ты что думал?! Быть коммунистом это просто?! – с пафосом спросил Андрей растерянного друга.

– Тише! Тише! Я серьезно. Не хочу больше ни в какую партию. Просто ...любопытно. Узнай, будь человеком!

Весь следующий день в перерывах между занятиями Павлов куда-то таинственно исчезал.

И каждый раз с нетерпением на лице Бугор встречал его в аудитории неммым вопросом «Ну!? Что?!».

И каждый раз незамысловатым жестом Андрей давал понять своему другу: «Не выходит каменный цветок!»

Впрочем, Андрей не особенно переживал по этому поводу. В его походах до помещения комитета комсомола и обратно был второй, скрытый смысл. В душе юного влюбленного создания теплилась надежда хоть одним глазком увидеть завладевшую разумом и сердцем красавицу Инну. Но в тот день, как назло, Инна в комсомольской вотчине не появлялась. Однажды ему показалось, что в толпе на лестнице мелькнула ее шикарная с вороным отливом шевелюра мелко завитых тончайших волос.

Андрей бросился по параллельной лестнице на второй этаж. Но – нет! Скорее всего, он ошибся...

После занятий Андрей и Юрик шли себе спокойно по важному делу, никого не трогали. И тут, откуда ни возьмись:

– Юр! Ты идешь на матч? – в холле у раздевалки главного корпуса точно клещ прицепился к ребятам длинный, нескладный студент по прозвищу Дед.

Дед учился на другом факультете, а потому Андрей его практически не знал. Не ведомы ему были ни имя, ни фамилия данного субъекта. Известно было только что Дед такой же любитель хоккея, как и Бугор, и что они на пару частенько посещали матчи местной хоккейной команды игравшей во второй лиге.

– Юр! Так ты идешь или нет?

– Нет.

– Может, все-таки, пойдем, поболеем!? Безногого подразним...

– Ну! С богом! – напутствовал Андрея Бугор.

Его сегодня не интересовала любимая забава местных болельщиков: заключавшаяся в выкрикивании в адрес хоккеиста по фамилии Безногий всевозможных колкостей. Дед понял -: случилось страшное.

– С богом! – повторил Бугор, подтолкнув Андрея в сторону двери комитета комсомола, а сам, заложив руки за спину, с безразличной скучающей миной на лице, стал прогуливаться по коридору в отдалении.

– Важные вопросы решаете?– уважительно спросил Дед.

– Готовимся к публичному диспуту по работе «Государство и религия» – отмахнулся от него Бугор....

Помещение комитета комсомола разделялось тонкой некапитальной перегородкой на две комнаты. В маленькой клетушке на пол-окна ютился САМ. Тесно? Зато личный кабинет! Как у ректора. В той комнате что побольше: стоял длинный стол, за которым обычно проходили заседания институтского комитета комсомола, ряд стульев и ещё столик поменьше с зачехленной печатной машинкой. Глаголев был у себя, о чем свидетельствовало громкое секретарское: «Алё!» «Алё!» «Алё!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.